

Научная статья

УДК 94(47).04

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-1>

К вопросу о роли Спасо-Каменного монастыря в карательной политике Российского государства (XVI–XVII вв.)

Александр Рудольфович Павлушкин

Вологодский институт права и экономики ФСИН России,

Вологда, Россия,

apavlushkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8838-5459>

Aleksandr R. Pavlushkov

Vologda Institute of Law and Economics of the

Federal Penitentiary Service of Russia,

Vologda, Russia,

apavlushkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8838-5459>

Аннотация. В предлагаемом исследовании ставится задача – выявить истоки и особенности карательной практики Спасо-Каменного монастыря в доимперский период, когда происходило бурное размежевание государственной и церковной юрисдикции в различных сферах общества. В статье сделана попытка установить наиболее значимые события, определившие включение данной обители в карательную политику государства. Еще одной задачей исследования было определение особенностей ссылки в Спасо-Каменный монастырь на раннем этапе его развития. В силу особого географического расположения он первоначально использовался в карательных целях редко и выборочно. Сложность работы заключалась в ограниченности источников рассматриваемого периода, не позволяющих выстроить целостную картину функционирования созданных тюремных помещений, быта заключенных. Более детальное ее формирование стало возможным только при обращении к документам эпохи регулярного петровского государства. Поэтому акцент в исследовании сделан прежде всего на обобщении и анализе наиболее ярких и одновременно малоизученных фактов ссылки в Спасо-Каменный монастырь известных персонажей: епископа Зосимы, митрополита Варлаама, архиепископа Арсения, архимандрита И. Неронова, игравших заметную роль в истории церкви и государства. Анализируются причины и условия ссылки в контексте происходивших событий. Делается вывод о том, что содержание карательных функций Спасо-Каменного монастыря постоянно менялось. В основе изменений лежало прежде всего стремление великокняжеской власти видеть в монастыре опору распространения собственного влияния. Особенность первого этапа

карательной деятельности Спасо-Каменного монастыря заключалась в том, что туда в качестве ссыльных попадали представители религиозной элиты, что объяснялось особыми природными условиями, геополитическим расположением островной обители. В дальнейшем эта тенденция сохранилась, но контингент ссыльных был значительно расширен.

Ключевые слова: Спасо-Каменный монастырь, островной монастырь, карательная система государства, ссылка в монастырь, церковное наказание, духовенство

Для цитирования: Павлушкин А.Р. К вопросу о роли Спасо-Каменного монастыря в карательной политике Российского государства (XVI–XVII вв.) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1038–1091. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-1>

On the issue of the role of the Spaso-Kamenny Monastery in the punitive policy of the Russian state (16th – 17th centuries)

Abstract. The purpose of the article is to reveal causes and features of punitive practice of the Spaso-Kamenny Monastery in the pre-imperial period when there was a rapid separation of the state and church jurisdiction in various spheres of society. The article tries to define the most significant events which determined the inclusion of this monastery in the punitive policy of the state. Another task of the research is to determine the peculiarities of the exile to the Spaso-Kamenny Monastery at the early stage of its development. Due to its special geographical location, initially it was used for punitive purposes rarely and rather selectively. The complexity of the research work can be explained by the limited availability of the sources related for the period under consideration, which did not allow us to recreate a complete picture of the functioning of the prison premises and the everyday life of prisoners. It was possible to create a more detailed picture only by turning to the documents of the era of the regular state of Peter the Great. Therefore, the accent in the research was made first of all on generalization and analysis of the most striking and at the same time insufficiently studied facts of exile to the Spaso-Kamenny Monastery of various well-known persons, including Metropolitan Zosimus, Metropolitan Varlaam, Archbishop Arsenii, and Archimandrite Ivan Neronov, who played an important role in the history both of the church and of the state. The author analyzes the causes and conditions of exile in the context of the events of that time. The conclusion is made that the content of punitive functions of the Spaso-Kamenny Monastery was constantly changing. The basis for these changes was the desire of the grand-principally power to see the monastery as a supporter of the spread of its own influence. A peculiarity of the first stage in the punitive activity of the Spaso-Kamenny Monastery was the fact that representatives of the religious elite were exiled there. It was explained by special natural conditions and geopolitical location of the island monastery. Later this trend continued, but the contingent of exiles significantly expanded.

Key words: Spaso-Kamenny Monastery, island monastery, punitive system of the state, exile to the monastery, church punishment, clergy

For citation: A. Pavlushkov, “On the issue of the role of the Spaso-Kamenny Monastery in the punitive policy of the Russian state (16th – 17th centuries),” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 4 (2021): 1038–91, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-1>

Введение

Основы общественного и научного интереса к карательным институтам церкви оформились еще в конце XIX века, когда начали появляться первые публикации о ссылке в монастыри. Не был обойден вниманием исследователей и Спасо-Каменный монастырь, история развития которого была крайне насыщенной в силу его важного социально-экономического значения для региона. Историки и краеведы начали собирать сведения об обители, приводя отдельные примеры ссылки¹, что было следствием общей тенденции к либерализации российского общества, когда пересмотру и ревизии подлежали все традиционные ценности. Церковь, входившая составной частью в консервативную триаду официальной народности, подвергалась беспощадной критике со стороны демократической прессы. Ссылка в монастырь подавалась как пример антидемократичных действий властей. В условиях массового увлечения либеральными идеями позиция самого государства, которое во второй половине XIX в. признало ссылку в монастырь изжившей себя мерой наказания, уже мало кого интересовала². Характерно, что вопрос о вовлечении монастырей в государственную пенитенциарную систему поднимался в то время как историками, так и юристами³.

В советский период возобладал крайне идеологизированный подход, требовавший от исследователей строго определенной линии подачи материала, в том числе в освещении мест наказания при монастырях⁴. Тема ссылки на Каменный остров связывалась с революционным движением и борьбой с самодержавием. Акцент делался на сопротивлении духовным властям, примером чего является работа, посвященная судьбе рабочего Я.С. Потапова,

¹ См., например: Черты монастырского быта в XVII веке // Русский архив. Историко-литературный сборник / под редакцией П.И. Бартенева. 1873. № 9. С. 1770–1784.

² Павлушкин А.Р. Русские православные монастыри в системе наказания России в начале XX века // Вузовская наука – региону: материалы IX всероссийской научно-технической конференции, 25 февраля 2011 г. / под редакцией А.А. Плеханова. Вологда: ВоГТУ, 2011. Т. 2. С. 219–221.

³ Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. Санкт-Петербург: Издание книжного магазина А.Ф. Цинзерлинга, 1887.

⁴ См., например: Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Москва: Юридическое издательство, 1960. Т. 1; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Москва: Соцэкиз, 1989. Кн. 3. Т. 5. С. 322–323 (связывают появление тюремных зданий с процессом централизации государства).

отправленного на остров в целях перевоспитания за участие в демонстрации у Казанского собора в 1876 г. и вступившего в открытый конфликт с настоятелем Спасо-Каменного монастыря⁵. Апофеозом такого рода политизированных работ стал известный труд Е.Ф. Грекулова, который крайне тенденциозно подобрал факты монастырской ссылки, определяя сам монастырь как «Бастилию духа», стоящую на страже самодержавия⁶. Он же одним из первых сообщил о наличии располагавшихся в монастырских башнях «каменных мешков» для арестантов Спасо-Каменного монастыря⁷. Однако утверждение советского историка-религиоведа было голословным, так как каменных стен и башен на острове в классическом понимании никогда не было. Распространенное в те годы выражение «каменные мешки» использовалось и другими авторами для придания содержанию ярко выраженной классовой тональности. В монастыре же существовали лишь каменные палатки, которые использовались для хозяйственных нужд.

Общий вид Спасо-Каменного монастыря (фото 1892 года)

Источник: Спасо-Каменный монастырь: основан в 1260 г.: набор открыток с текстом внутри обложки. Вологда: Полиграф-Периодика, 2010. 8 л.

⁵ Шустерман С.С. О судьбе рабочего-революционера Я.С. Потапова // Вопросы истории. 1960. № 11 (ноябрь). С. 213–215.

⁶ Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. Москва: Наука, 1964.

⁷ Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. С. 30.

В советский период Спасо-Каменный монастырь был приспособлен для содержания несовершеннолетних преступников, а затем длительное время (1930–1950-е гг.) использовался в качестве гражданского объекта (маяка, рыбзавода). После уничтожения основного храма (Спасо-Преображенского собора) в 1937 г. монастырь утратил свое первоначальное значение и постепенно пришел в полное запустение. Деятельность обители была возобновлена только в 2017 г. на основании постановления Святейшего Синода⁸, в соответствии с которым он стал называться «Спасо-Каменным Преображенским мужским монастырем».

Вид на Кубенское озеро из действующего храма Спасо-Каменного монастыря

Источник: фото Павлушкина А.Р., 2021 г.

В постсоветский период интерес к истории Русской православной церкви значительно возрос. Вместе с тем историография пенитенциарной деятельности самого Спасо-Каменного монастыря крайне скучна, что объясняется спецификой предмета изучения. Подчеркнем, что при этом сам монастырь был и остается в центре внимания исследователей самых разных областей науки в силу своей древней и богатой истории. Архитектура, хозяйственная и миссионерская деятельность, начало образования и культурного роста – основные, но не исчерпывающие направления изучения островной обители. Отсутствие работ, связанных с реализацией карательной функции, обусловлено

⁸ Журнал заседаний святейшего Синода // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. 2017. № 96. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5028352.html> (дата обращения: 31.05.2021).

прежде всего дефицитом архивных источников, а также тем обстоятельством, что данная сфера деятельности для монастыря не была основной. Существенно отличается в этом отношении история изучения Соловецкого и Спасо-Евфимиева монастырей, на территории которых располагались государственные тюрьмы⁹, или Ферапонтовой обители, где пребывал в ссылке опальный патриарх Никон¹⁰.

В целом работы, в которых затрагивается тема ссылки в Спасо-Каменный монастырь, можно разделить на несколько групп.

В первую группу можно объединить статьи, посвященные общему развитию обители в разные исторические периоды, а также те, в которых были упоминания о ссылке. Примером являются многочисленные публикации дореволюционного периода¹¹. Начало было положено в середине XIX в. известными исследователями П.И. Савваитовым и Н.И. Суворовым, которые дали не только описание обители, но и опубликовали отдельные документы – свидетельства ссылки в островную обитель. В частности, первый рассказал о событиях 1775 года, когда по вине одного из колодников произошел страшный пожар, уничтоживший все деревянные постройки¹². Н.И. Суворов выдвинул версию, что причиной пожара был не колодник, как сообщали официальные источники, а халатность караульных солдат. Его доводы основывались на том, что арестант, в помещении которого начался пожар, был тяжело больным и вряд ли мог самостоятельно разводить огонь¹³. Доводы Н.И. Суворова были

⁹ Пругавин А.С. Соловецкие узники // Русская мысль. 1881. № 11. С. 238–253; Пругавин А.С. Еще о соловецких узниках (К вопросу о монастырских заточениях) // Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол вверху: Очерки современного сектантства. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1882. С. 273–296; Колчин М.А. Ссыльные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. Исторический очерк // Русская старина. 1888. № 1. С. 37–63.

¹⁰ Бриллиантов И.И. Патриарх Никон в заточении на Белеозере: Ист. очерк И. Бриллиантова. Санкт-Петербург: Типография А.П. Лопухина, 1899.

¹¹ Муромцев И. Поездка на Каменный остров в Вологодской губернии: из дневника 1847 год) // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 3. С. 25–30; Остроумов И. Святыни нашего Севера (путешествие по Соловкам, Валааму и другим обителям Северной Руси): очерки и рассказы. Санкт-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1897. С. 135–150; Коноплев Н. Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере и его подвижники // Вологодские епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 15–23.

¹² Описание Вологодского Духова монастыря, составленное в 1860 году П. Савваитовым, исправленное и дополненное в 1885 г. Н. Суворовым, в 1912 г. И. Суворовым / составитель П.И. Савваитов. Вологда: Типография П.А. Цветкова, 1912.

¹³ Суворов Н.И. Описание Спасо-Каменного, что на Кубенском озере, монастыря. Вологда: Типография Губернского правления, 1893; Суворов Н.И. Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархии. Вологда: Типография Губернского правления, 1868.

вполне убедительны, так как опирались на материалы следственной комиссии. После пожара из-за отсутствия средств на восстановление Святейшим Синодом было принято решение о временном закрытии монастыря, свободной продаже всего его имущества с зачислением вырученной суммы в доход вологодскому Свято-Духову монастырю¹⁴.

Определенную роль в расширении повестки изучаемой темы играют и местные краеведы, пытающиеся обратить внимание общества на во многом забытую историю островной обители, переставшей быть для местных жителей объектом культуры и превратившейся скорее в элемент природного озерного ландшафта. На страницах местной периодической печати появляются небольшие публикации о ссылке в Спасо-Каменный монастырь известных представителей раскола, революционных деятелей¹⁵. Как правило, такого рода факты рассматриваются в контексте жизнеописания Устьянщины – прилегающей к островному монастырю обширной территории, через которую осуществлялась связь с островом. Несомненно, деятельность краеведов способствует популяризации истории региона.

Вторую группу составляют исследования, в которых отражена роль отдельных персоналий, судьба которых была связана с историей островного монастыря. В публикациях можно найти обобщающие материалы по ссылке в Спасо-Каменный монастырь известных узников¹⁶. Среди них наиболее знаковой является фигура бывшего Ростовского архиепископа Г. Дацкова. Суворов полагал, что он стал жертвой сложных политических интриг, в которые было втянуто руководство Русской православной церкви. Свою позицию Суворов обосновывал нарочитостью обвинений, не имевших должного правового подкрепления¹⁷. Мнение Н.И. Суворова поддержал известный церковный историк А.В. Карташев, раскрывая детали обвинения и наказания Г. Дацкова. Его ссылку в Спасо-Каменный монастырь он называет

¹⁴ Донесение Святейшему Синоду от Иринея, епископа Вологодского и Белозерского, о необходимости упразднить погоревший Спасо-Каменный на Кубенском озере монастырь, 1775 г., августа 13 // Описание Вологодского Духова монастыря, составленное в 1860 году П. Савваитовым, исправленное и дополненное в 1885 г. Н. Суворовым, в 1912 г. И. Суворовым / составитель П.И. Савваитов. Вологда: Типография П.А. Цветкова, 1912. С. 80.

¹⁵ Соколов Ю. Сказание старины глубокой // Северная Новь. № 134 (6245). 09 ноября 1989. С. 4; Соколов Ю. Последний высокий гость Каменного острова // Северная новь. № 58 (6953) 24 мая 1994. С. 3.

¹⁶ Круглов А. Поездка на Кубенское озеро // Исторический вестник. 1898. Т. 74, № 12. С. 1053–1054.

¹⁷ Суворов Н.И. Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархии. С. 162.

повторной смертью после судилища 1731 г.¹⁸ Этот вывод коррелирует с материалами современных исследований, отражающих сложности содержания опального церковного иерарха и процесс повторного следствия на основании новых доносов¹⁹. Крайне неблаговидную роль в этом процессе сыграл тандем Э.И. Бирона и Ф. Прокоповича, запустивших механизм репрессий против оппонентов и потенциальных соперников. Благодаря стараниям последнего условия ссылки члена Синода Г. Дашкова в Спасо-Каменном монастыре больше напоминали тюремное заключение²⁰.

В современных работах, посвященных различным аспектам деятельности Спасо-Каменного монастыря, упоминаются отдельные факты ссылки. В частности, О.Н. Адаменко приводит важное свидетельство о существовании в конце XVII в. тюремной кельи, располагавшейся в зоне деревянных пристроек вдоль берега острова²¹. Тюремная постройка была выявлена на основе описания монастыря 1701–1702 гг. Можно полагать, что такие помещения существовали на протяжении XVII столетия, когда начала формироваться «режная линия» жилого пространства, внешне напоминавшая деревянную крепостную стену. Несколько ценных ссылок на документы XVII столетия относительно карательной деятельности Спасо-Каменного монастыря включено М.С. Черкасовой в комплексное издание документального состава 40 вологодских монастырей²². В XVII в. Спасо-Каменный монастырь участвовал в судебных тяжбах, имел своего стряпчего, вел документооборот. Судя по представленным документам, можно сделать вывод, что уже в середине XVII в. монастырь активно использовался в качестве места ссылки как духовенства, так и мирян. Если первых ссылали в основном за нарушения по службе, то «тяглецов» – за порочное поведение (пьянство, бесчиние). Известны случаи нахождения в нем пленных поляков.

¹⁸ Карташев А.В. История Русской церкви. Москва: Эксмо-Пресс, 2000. Т. 2. С. 570–573.

¹⁹ Павлушкин А.Р. Судьба вице-президента Синода Г. Дашкова // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 162–168.

²⁰ Павлушкин А.Р. Государственно-церковные отношения в оценках личности Э.И. Бирона // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики ФСИН России / под общей редакцией А.А. Середина. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. С. 143–148.

²¹ Адаменко О.Н. Организация островного пространства Спасо-Каменного монастыря в XVII в. // Booksite. URL: <https://www.booksite.ru/civk/data/adamenko.pdf> (дата обращения: 01.07.2021); Адаменко О.Н. Пространственное расположение хозяйственных комплексов монастырей Вологодского и Белозерского уездов в XVII веке // Некрасовские чтения. Материалы IV Всероссийской научной конференции памяти д. и. н., проф. Ю.К. Некрасова (1935–2006) / под редакцией В.А. Саблина. Вологда: ВоГУ, 2020. С. 26–32.

²² Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда: Древности Севера, 2012.

Обращение к теме исследования требует уточнения использования отдельных понятий. Под карательной политикой автором понимается практика применения специальных мер воздействия на общество в форме наказания, направленных на укрепление государственной власти. Смысл термина связан с понятием кары – наказания, преследующего цели возмездия, устрашения и усиления власти. В современной трактовке кара отождествляется в большей степени с одной из целей наказания (возмездная теория наказания)²³ или воспринимается в качестве анахронизма, характерного для определенного исторического этапа развития общества²⁴. По мнению М. Фуко, содержание кары эволюционировало, постепенно наполняясь рациональным и более гуманным отношением к преступнику²⁵. М. Фуко попытался выявить закономерности эволюции наказаний и политики. Технологии наказания, по его мнению, следует рассматривать в контексте «истории политического тела и уголовно-правовой практики». Для средневековой истории было характерно собственное (двойственное) восприятие наказания, основанное на переплетении идей непогрешимости власти и христианской морали. Преобладающие карательные цели наказания компенсировали «недостатки политики», неспособной в достаточной степени влиять на общество, когда любой ценой необходимо было удержать власть. В этом смысле карательная политика средневекового государства отражала прежде всего процесс укрепления и усиления единства власти. Кара трактовалась как особое право сузерена вершить суд не только над лицами, совершившими уголовные преступления, но и над политическими противниками, оппонентами, послушниками княжеской воли.

Длительное время в историографии понятие «карательная политика» применялось точечно – по отношению к строго определенному периоду или явлению (институту), чтобы подчеркнуть репрессивный характер деятельности государства по отношению к обществу²⁶. В настоящее время наблюдается

²³ Шеслер А.В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1. С. 84–96.

²⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. Санкт-Петербург: Издательство М.О. Вольфа, 1881. С. 89.

²⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / перевод с французского В. Наумова. Москва: Ad Marginem, 1999.

²⁶ См., например: Казарян П.Л. Якутская политическая ссылка в системе карательной политики царизма: дис. ... д-ра ист. наук. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1998; Кузьмин С.И. К вопросу о карательной политике Российской государства после революции 1917 года // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов V международной научно-практической конференции, 4–6 апреля 2018 г. / составитель В.А. Овченков. Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2018. С. 14–18.

тенденция употребления этого понятия применительно к разным периодам истории. Уже упомянутый М. Фуко при характеристике наказания в средневековом обществе активно прибегает к понятиям, наполненным карательным содержанием: карательные меры, карательный механизм, карательные средства и т.д. Наказание, по его мнению, постепенно трансформировалось в расширенную форму воздействия власти на общество.

Следовательно, использование понятия «карательная политика» позволяет сделать более полновесную оценку происходящих разнородных внутригосударственных процессов в период формирования русского государства. Спектр современных работ, посвященных карательной политике русского государства, невелик²⁷. Однако роль Спасо-Каменного монастыря в нем не отражена, что актуализирует тему исследования.

Основная часть

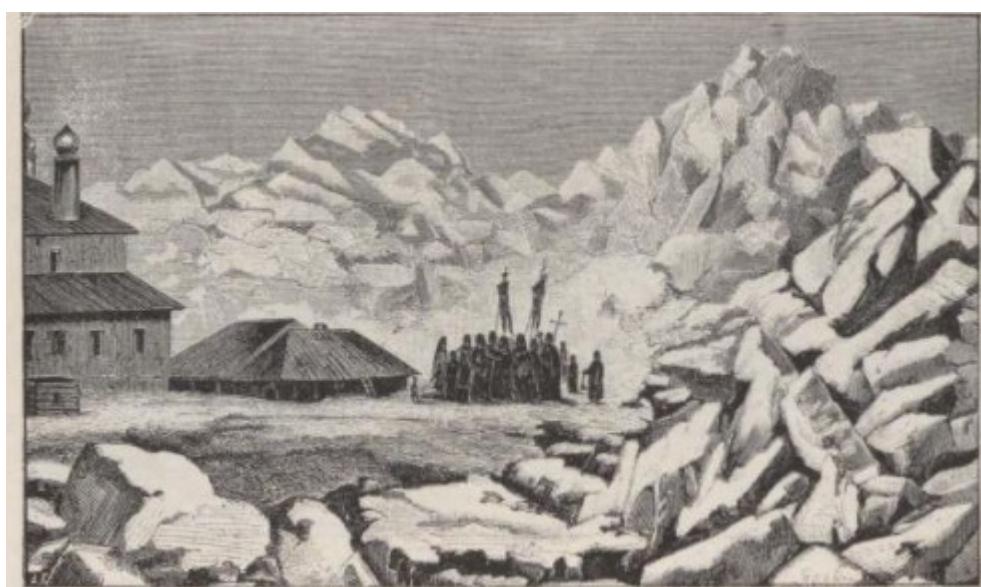
Спасо-Каменный монастырь принадлежит к малому озерно-островному типу монастырей. Ограниченнность территории делала невозможным строительство больших зданий и каменных стен и одновременно создавала трудности для проживания в нем.

Спасо-Каменный монастырь, современный вид
Источник: фото Павлушкина А.Р., 2020 г.

²⁷ Рогов В.А. Уголовное право и карательная политика в Русском государстве XV–XVII вв. Москва: Всесоюзный юридический заочный институт, 1990; Тарновский О.А. Церковная уголовная юрисдикция как альтернатива государственной карательной политике древнерусского государства // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 3. С. 90–94.

Остров находится в начале озерного коридора и постоянно продувается ветрами. Кроме того, в апреле сообщение с островом прекращается на несколько недель из-за движения льда, который формирует вокруг острова своеобразный ледяной щит высотой с трехэтажный дом. В дореволюционном издании А.А. Павловского содержится яркий рисунок крестного хода братии Спасо-Каменного монастыря на фоне огромных гор льда, угрожающих всему живому²⁸. Такие экстремальные природные условия ограничивали возможности его использования в карательных целях, реализация которых требовала контроля и дополнительных материальных средств. Несмотря на изолированность обители, факты бегства ссыльных с острова имелись, что подтверждено документально. В 1699 г. из монастыря совершил побег некий Ф. Бестужев, помещенный «под начало» за непристойные слова²⁹.

Спасо-Каменный Кубенский монастырь во льдах.

Источник: Павловский А.А. Обители Российской империи // Вологодская епархия: Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород: Товарищество И.М. Машистова, 1907. С. 103

Достаточно сложно установить начало пенитенциарной деятельности Спасо-Каменного монастыря, тем более что сам по себе первый факт ссылки в монастырь мало что значит. Более разумно говорить об истоках включения данной обители в карательную политику государства. Полагаем, что таким

²⁸ Павловский А.А. Обители Российской империи: Вологодская епархия // Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород: Товарищество И.М. Машистова, 1907. С. 91–128.

²⁹ Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. С. 208.

рубежом является начало XVI века, когда сформировавшаяся модель симфонии государства и церкви стала испытывать давление со стороны зарождавшейся и усиливавшейся политической элиты, нуждавшейся в дополнительных ресурсах для укрепления собственного влияния.

К этому времени уже оформился патронаж велиокняжеской власти по отношению к Спасо-Каменному монастырю, что для XV столетия являлось характерной общей тенденцией³⁰. Связано это было с известными событиями нового этапа феодальной войны, вовлекшими в свой водоворот территорию Вологодчины и располагавшиеся на ней обители³¹. Князь Василий II (Темный), отстраненный в результате заговора в феврале 1446 г. от власти Дмитрием Шемякой, находился сначала под домашним арестом в Угличе, а затем – в удельной ссылке в Вологде. В 1447 г. он совершил поездки по святым местам, посетив в том числе и Спасо-Каменный монастырь, чтобы заручиться поддержкой местного духовенства. В результате он получил не только благословение, но и право возобновить борьбу за возвращение престола. Настоятель Кирилло-Белозерского монастыря Трифон снял духовную клятву с князя, мотивируя свое решение незаконностью процедуры отстранения Василия II и принуждением его к такому шагу³². Игумен Спасо-Каменного монастыря Евфимий так же подтвердил правомочность действий Василия Темного на возвращение велиокняжеской власти, называя такое решение «желаемым путем»³³.

Открытая поддержка Спасо-Каменным монастырем Василия II в условиях политической неопределенности, когда часть монастырей старалась дистанцироваться от участия в феодальной войне, в итоге привела к дальнейшему росту его влияния. Князь не забыл про верность братии. Уже в 1447 г. Василий II передал обители село Покровское³⁴. Вместе с тем в действиях братии Спасо-Каменного монастыря просматривался трезвый расчет в оценке крайне сложной политической конъюнктуры. По мнению

³⁰ Адаменко О.Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2008. С. 13.

³¹ См. подробнее: Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. Москва: Мысль, 1991.

³² Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1 (Новгородская четвертая летопись). Ленинград: АН СССР, 1925. С. 454–455.

³³ Цит. по: Соловьев К.А., Никонова Е.В. Спас-Каменный монастырь на Кубенском озере – уникальная обитель Северной Фиваиды и ее исторические предания // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4. С. 317.

³⁴ Новикова О.Л. Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI века и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Очерки феодальной России. Вып. 12. Москва: Альянс-Архео, 2008. С. 38–90.

Н.М. Карамзина, такое единство было возможно только при наличии у Василия Темного широкой поддержки московской духовной элиты, которая не верила в искренность действий Д. Шемяки и настаивала на освобождении сосланного великого князя³⁵.

Таким образом, периферийные монастыри превращались в своеобразные опорные точки распространения государственного влияния. Не стал исключением в этом процессе и Спасо-Каменный монастырь. В.О. Ключевский, оправдывая эгоистические шаги московских князей по уничтожению своих соперников, апеллировал прежде всего к идее национального единства, где интересы церкви, государства и общества совпадали³⁶. В середине XV в., по его мнению, наступил переломный момент, когда действия Москвы в сознании населения постепенно стали восприниматься как духовный подвиг во имя всеобщего блага. Идея политического единства как разумной справедливости становилась выше закона. Московские князья стали активно внедрять в практику ссылку в монастырь как способ неправовой расправы с политическими противниками.

Одним из ранних и одновременно малоизученных фактов является ссылка в Спасо-Каменный монастырь известного церковного иерарха – московского митрополита Зосимы. Нахождение его в монастыре окутано легендами, порожденными прежде всего дефицитом информации и разночтением источников. Примерное время его пребывания в островной обители – 1504–1510 гг. Обращение к различным источникам позволяет установить отдельные детали причин его ссылки, которая началась гораздо раньше – с 1494 г. Начиная с этого времени, он сменил несколько монастырей, причем каждый перевод сопровождался заметным ухудшением условий содержания. В летописях на этот счет даются противоречивые версии: от добровольного ухода с митрополичьей должности до принудительного отстранения его от власти. О принудительности ухода митрополита Зосимы, в частности, сообщают Вологодско-Пермская и Типографская летописи, где данный факт именуется «оставлением митрополии не по своей волей»³⁷. В частности, в Вологодско-Пермской летописи сообщается, что «в лето 7003 сослал князь великий Зосиму митрополита с митрополией»³⁸. Скорее всего в биографии Зосимы всплыли

³⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т. VI. Санкт-Петербург: Золотой век, 2003. С. 625.

³⁶ Ключевский В.О. Сочинения / под редакцией В. Л. Янина. Москва: Мысль, 1988. Т. 2. С. 108–109.

³⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: 2-я государственная типография, 1921. С. 213.

³⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись / ответственный редактор М.Н. Тихомиров. Москва: АН СССР, 1959. С. 289.

дискредитирующие его обстоятельства и добровольно-принудительная отставка была оптимальным способом разрешения сложившейся ситуации³⁹. По мнению П.В. Знаменского, причиной ссылки митрополита Зосимы на удаленный остров послужило «пьянство и нерадение о церкви». Он характеризовал московского митрополита «либералом и гулякой», который был снисходителен к различным нарушениям правил внутри церкви и позорил духовенство⁴⁰.

Формально указанные причины могли служить поводом для наказания. Более того, в дальнейшем ссылка за нетрезвость получила широкое распространение и практиковалась повсеместно до конца XIX столетия. Однако по отношению к первым лицам церкви такого рода прегрешения вряд ли могли быть основанием для столь жесткого наказания. Более вероятно, что на московского митрополита Зосиму пало подозрение в лояльности к ереси жидовствующих, критиковавших официальную церковь за многочисленные недостатки жизни духовенства. Ересь получила широкое распространение не только в Великом Новгороде, но и в столице. В Московском государстве на рубеже XV–XVI вв. развернулась кампания по борьбе с различными внутрицерковными течениями, которые ослабляли не только церковь, но и основы княжеской власти. Иосиф Волоцкий, сторонник решительной борьбы с еретиками, открыто обвинил митрополита Зосиму в покровительстве еретикам, поскольку принятые ранее меры не дали результатов. Действительно, в 1490 г. под руководством Зосимы состоялся церковный собор, который предал новгородских еретиков проклятию и предписал их разослать по монастырям. Предварительно некоторые из них были подвергнуты публичному осмеянию: с позорящими надписями их возили по городу в берестяных колпаках, которые в конце экзекуции поджигали, при этом горожанам разрешалось плевать на них⁴¹. Однако данные меры не остановили религиозное инакомыслие. Иосиф Волоцкий возложил ответственность за подрыв православной веры на митрополита Зосиму, обвиняя его в «напоении ядом жидовским и глаголем скверным». Самого Зосиму он объявил «змеем пагубным и скверным,

³⁹ Алексеев А.И. Зосима // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/200033.html> (дата обращения: 01.04.2021).

⁴⁰ Знаменский П.В. История Русской церкви // Pravmir.ru. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3823#part_59689 (дата обращения: 01.04.2021).

⁴¹ Грешного инока Иосифа Сказание о новоявившейся ереси новгородской еретиков и отступников // Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российской касающихся, изданная Н. Новиковым. Изд. 2. Ч. XIV. Москва: Компания Типографическая, 1790. С. 135.

злобесным волком, облеченный в пастырскую одежду»⁴². Иосиф Волоцкий сумел добиться отставки московского митрополита Зосимы и способствовал усилению мер воздействия, повлекших ухудшение условий его содержания от монастыря к монастырю.

Вместе с тем отставку Зосимы и первоначальный отъезд его в Троице-Сергиев монастырь правильнее было бы называть не ссылкой, а удалением. Троице-Сергиев монастырь на тот момент уже являлся влиятельным центром политической и культурной жизни⁴³, и нахождение в нем именитого старца говорило о том, что с бывшим митрополитом пока продолжали считаться. Это был период условной изоляции митрополита Зосимы, после чего последовал перевод в Кирилло-Белозерский монастырь (примерно в 1502 г.), а затем в Ферапонтовскую обитель. Они располагались далеко от центра, отличались аскетизмом и более строгими условиями быта. Пребывание в них уже можно рассматривать как ссылку, где Зосима находился в статусе старца. В указанный период подозрения против Зосимы еще более усилились, была предпринята попытка обвинить его в попустительстве распространению ереси. Последним местом его жизни стал Спасо-Каменный монастырь, ссылка в который означала фактическую изоляцию Зосимы от внешнего мира. Он прибыл на остров приблизительно в 1504 г. после церковного собора, решения которого предусматривали ужесточение санкций против еретиков. Настоятелю Спасо-Каменного монастыря было предписано наблюдать за новоприбывшим старцем⁴⁴.

Последние шесть лет своей жизни Зосима провел в Спасо-Каменном монастыре (до конца 1510 г.), о чем свидетельствует вкладная запись на список творений Григория Богослова. Согласно ей, старец этой обители Федосей привез данное сочинение в Ферапонтов монастырь в качестве подарка от бывшего московского митрополита Зосимы в память о нем и его пребывании в Спасо-Каменном монастыре⁴⁵. Исходя из того, что эта просьба Зосимы была удовлетворена игуменом Спасо-Каменного монастыря, можно предположить,

⁴² Гречного инока Исафа Сказание о новоявившейся ереси новгородской еретиков и отступников. С. 135–136.

⁴³ Балдин В.И. Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв. Москва: Наука, 1996.

⁴⁴ Знаменский П.В. История Русской церкви. Период III. Разделение Русской Церкви на две митрополии // Pravmir.ru. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3823#part_59688 (дата обращения: 04.07.2021).

⁴⁵ Памятники письменности в музеях Вологодской обл.: Каталог-путеводитель «Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея / под общей редакцией профессора П.А. Колесникова. Вологда: Северное отделение археографической комиссии АН СССР, 1987. Ч. 1. Вып. 2. С. 56.

что в Спасо-Каменном монастыре он находился на особом положении и занимался переводом и толкованием трудов учителей греческой церкви. Для того времени это было крайне важное занятие, так как богослужебных текстов не хватало.

Таким образом, отсылка митрополита Зосимы на Каменный остров была следствием обострения борьбы Русской церкви с религиозными оппонентами, которые во многом справедливо критиковали ее за многочисленные недостатки, в том числе и за земельное обогащение. Несомненно, определенную роль сыграли и личные свойства характера Зосимы, который выглядел заметно бледнее на фоне фанатично преданного своему делу Иосифа Волоцкого. Балансируя между различными придворными партиями, Зосима оказался более слабым политиком, так как не имел той решительности, которая должна быть присуща человеку его положения.

Не менее значимой была и ссылка на Каменный остров московского митрополита Варлаама (примерно в 1523 г.). В Софийской летописи о факте ссылки сообщалось следующее: «в лето 7031, декабря в 18, оставил митрополию Варлаам митроплит и соиде на Симоново; а с Симонова сослан в Вологодской уезд на Каменное»⁴⁶. Ссылка митрополита Варлаама являлась подтверждением усиления великокняжеской власти путем внедрения практики внесудебной расправы, когда ссылка в монастырь использовалась в качестве инструмента борьбы с политическими противниками или претендентами на великокняжеский престол. Впервые в таком качестве стал применять ссылку в Спасо-Каменный монастырь Василий III, хотя практика изоляции соперников в таких формах уже существовала, примером чему является известная расправа Ивана III со своим братом Андреем и его сыновьями. Однако в данном случае репрессия была перенесена со светских лиц на духовенство. Тем самым признавалось включение церкви в политическую сферу.

Случай наказания духовенства великокняжеской властью также уже были известны. Иван III неоднократно подвергал духовных лиц унизительной торговой казни, публично демонстрируя силу возмездия и абсолютное равенство всех перед властью князя за незаконное вмешательство в государственные дела. В 1491 г. публично секли на городской площади архимандрита Чудовского монастыря вместе с ухтомским князем Хомутовым за составление фиктивной грамоты на землю⁴⁷. Василий III, продолжая политику отца, действовал не менее решительно, пресекая любые попытки ослабления княжеской власти. В этой связи любая критика действий великого

⁴⁶ Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1853. С. 264.

⁴⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т. VI. С. 795.

князя со стороны церкви могла восприниматься им как покушение на власть, подтверждением чего и стала ссылка московского митрополита Варлаама.

У исследователей нет единства относительно причин наказания митрополита Варлаама ссылкой в Спасо-Каменный монастырь. По мнению историка В.Д. Назарова, в основе такого шага лежали политические мотивы Василия III, который был крайне недоволен дерзостью митрополита и попыткой критиковать жесткие действия князя по отношению к подозреваемым в измене боярам⁴⁸. Во время опустошительного похода крымского хана Мухаммед-Гирея I в 1521 г. была разорена Москва, а князь под давлением бояр вынужден был подписать унизительный договор о признании зависимости от крымского хана. Впоследствии началось разбирательство и поиск виновных, допустивших нападение на столицу. Опале подверглись отдельные именитые бояре. Церковь, которая традиционно выступала в качестве политического и судебного арбитра, была против чрезмерно суровых мер. Этой линии придерживался и митрополит Варлаам, отражая общую позицию церкви.

Иной взгляд на причину ссылки Варлаама в Спасо-Каменный монастырь мы находим у П.В. Знаменского. Он полагал, что мотивом для такого шага было проявление нелучших черт великокняжеской власти. Василий III, добиваясь усиления собственной власти, предпринимал попытки подчинения церкви, подтверждением чего являлась зарождающаяся практика поставления митрополита без соборного избрания, на основе единоличной воли князя. Нарушение канонической традиции выборности при молчаливом согласии духовенства ослабляло церковь, чему сопротивлялся Варлаам. Такое заключение П.В. Знаменский сделал на основании сравнения Варлаама с его преемником – игуменом Даниилом, полностью подчинившимся «воле властительного, не всегда справедливого князя»⁴⁹. Это наглядно проявилось в одобрении Даниилом насильтвенного пострига его первой супруги Соломонии в Сузdalский Покровский монастырь в 1525 г., а затем и сомнительного повторного брака Василия III. Он же разрешил и технические стороны развода. Летописи не дают определённого ответа на вопрос об истинных причинах развода и ссылки Соломонии, хотя описывают ход самого дознания. Историк Л.Е. Морозова, опираясь на летописные свидетельства, ставит под сомнение участие Даниила в пострижении великой княгини. Однако бесспорным

⁴⁸ Назаров В.Д. Династическая война московских Рюриковичей и становление единого Российского государства // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/movies/3147/dinasticheskaya-voyna-moskovskikh-ryurikovichei-i-stanovlenie-edinogo-rossiiskogo-gosudarstva> (дата обращения: 01.06.2021 г.).

⁴⁹ Знаменский П.В. История Русской церкви. Митрополиты при Иоанне III и Василии // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Znamenskij/istorija-russkoj-tserkvi-znamenskij/3_3_2 (дата обращения: 01.09.2021 г.).

является тот факт, что фигура преемника Варлаама оказалась более удобной для великого князя⁵⁰.

Версия отказа Варлаама поддержать бракоразводный процесс великого князя и последовавшей за этим ссылки в Спасо-Каменный монастырь выглядит вполне убедительной, поскольку митрополит отличался строгостью соблюдения церковных правил. Он не находил достаточных причин и для насильственного пострижения супруги великого князя, тем более, что сама она была категорически против такого решения. Ссылка в Спасо-Каменный монастырь митрополита Варлаама, который «чем-то не понравился великому князю», являлась прежде всего демонстрацией его амбиций и силы, поскольку реальных причин для столь жестких мер не было⁵¹. Вполне возможно, что сам великий князь на сложившуюся ситуацию смотрел несколько шире (как и его отец), оценивая ее прежде всего в политическом, а не религиозно-этическом контексте. Отсутствие прямого престолонаследника по причине бездетности Соломонии не только ставило под угрозу едва окрепшую власть, но и обрекало в будущем княжество на новую междуусобную войну. Нежелание Варлаама учитывать политические риски сложившейся ситуации вызывало у Василия III естественное раздражение и подозрение в измене.

Не менее убедительным является и выдвинутое Е.Е. Голубинским предположение о политических мотивах ссылки Варлаама в Спасо-Каменный монастырь. По его мнению, митрополит был обеспокоен намерением московского князя отвести ему центральную роль в аресте князя В.И. Шемячика, которого Варлаам должен был уговорить приехать в Москву⁵². Очевидно, что сводить ссылку Варлаама к строго определенной версии будет не совсем правильно. У великого князя были серьезные причины для недовольства главой церкви. Существующие источники не дают информации о пребывании Варлаама в Спасо-Каменном монастыре, кроме данных о том, что он провел в затворе около 10 лет. В Кратком Кирилло-Белозерском летописчике № 4 есть упоминание, что 24 марта 1533 г., в канун Благовещения, преставился бывший митрополит Варлаам⁵³.

⁵⁰ Морозова Л.Е. К вопросу об обстоятельствах женитьбы Василия III на Соломонии Сабуровой // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 2. С. 165.

⁵¹ Знаменский П.В. История Русской церкви // Pravmir.ru. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3823#part_59689 (дата обращения: 01.04.2021).

⁵² Голубинский Е.Е. Митрополит Варлаам // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-russkoj-tserkvi-tom-2-chast-1/3_6 (дата обращения: 01.04.2021).

⁵³ Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. 1950. №. 5. С. 30.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что использование Спасо-Каменного монастыря в качестве места ссылки способствовало оформлению традиции удаления русских иерархов в условиях, когда церковь пыталась отстоять политическую автономию. Это подтверждает высылка в данную обитель (примерно в это же время) еще одного иерарха – епископа смоленского Варсонофия – по обвинению в предательстве и переходе на сторону польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда I. Согласно летописи в 7023 (1515 г.) Варсонофий, «презрев божественный суд и поправ своего святительства совесть и крестное целование, измени ко государю к великому князю и послал к королю племенника своего Ваську Ходыкина» с сообщением о возможности быстрого захвата Смоленска из-за отсутствия должной защиты города⁵⁴. О предательстве владыки сообщили горожане. Варсонофия обвинили в том, что он «на православие наводит латынь». Предварительный «объиск в правде» подтвердил выдвинутое обвинение. Против Варсонофия дали показания бояре и «владычны мещане». По решению смоленского князя (наместника) Василия Васильевича Шуйского Варсонофия отправили в Москву для розыска. По приказу великого князя Василия III Варсонофий был сослан сначала в Чудов монастырь, а затем переведен в Спасо-Каменный монастырь⁵⁵.

Архиепископ Арсений – епископ Киевской митрополии, еще одна заметная фигура, имевшая прямое отношение к истории использования Спасо-Каменного монастыря в качестве места ссылки. Он был сослан на Каменный остров после взятия Полоцка в 1563 г. по обвинению в лояльности к польским властям. В заточении был до конца дней своей жизни (1576 г.)⁵⁶. О его пребывании в монастыре сведений не сохранилось. Ссылка его была вполне закономерной и относительно «легкой» формой наказания, поскольку Иван IV в жесткой форме расправлялся с союзниками своих политических противников. Достаточно вспомнить судьбу 500 духовных особ Великого Новгорода, которые были забиты палками на правеже в 1570 г. после обвинения в измене и желании перейти на сторону польского короля⁵⁷. С другой стороны, православная церковь принимала слабые меры против усиления Польши в приграничных территориях, в результате чего положение православных в Литовской

⁵⁴ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. С. 256.

⁵⁵ Флоря Б.Н. Варсонофий // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/154341.html> (дата обращения: 01.04.2021).

⁵⁶ Митрополит Мануил (Лемешевский) Русские православные иерархи: 992–1892. Т. 1 // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Manuil_Lemeshevskij/russkie-pravoslavnye-ierarhi-992-1892-gg-tom-1/29 (дата обращения: 01.07.2021).

⁵⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Москва: Эксмо, 2006. С. 223.

митрополии становилось все хуже⁵⁸. Арсений формально являлся союзником Великого княжества Литовского, против которого Московская Русь вела затяжную войну. Назначение Арсения на Полоцкую кафедру Киевской митрополии состоялось при поддержке польского короля. Митрополит Макарий, описывая историю западнорусской митрополии, ссыпался на королевскую грамоту о назначении инока Арсения Шишки владыкой в Полоцке⁵⁹. Показательно, что его назначение состоялось по просьбе горожан, что обеспечивало королевской власти широкую поддержку. Разумеется, такое решение не устраивало московского царя, считавшего это появление позором и демонстрацией разрыва с Московским государством. Пребывание в качестве епископа продолжалось около четырех месяцев: 22 октября 1562 г. Арсений был назначен духовным владыкой Полоцка, а 15 февраля 1563 г., после взятия Полоцка русскими войсками, он был арестован⁶⁰, отправлен в Москву, а затем сослан на Каменный остров.

Ссылка церковных деятелей в Спасо-Каменный монастырь продолжилась и в XVII–XVIII вв. Приблизительно в июле 1653 г. (в разгар церковной реформы) сюда был направлен *Иван Неронов* – один из ярких представителей церковного раскола, занимавший непримиримую позицию к реформам Никона и открыто критиковавший его за исправление богослужебных книг. Спасо-Каменный монастырь был третьим местом ссылки на его счету. Его перевели туда из Симонова монастыря, где он подвергся унизительному публичному телесному наказанию. Свои злоключения, которые по сути были обвинением патриарха, сам Неронов описал в послании Никону⁶¹. Перевод Неронова в Спасо-Каменный монастырь объяснялся удаленностью острова и уверенностью, что там он будет лишен возможности распространять свои идеи. Такая практика вошла в обиход повсеместно вследствие решений церковных соборов, по сути узаконивших борьбу с расколом путем принудительной изоляции вероучителей и активных его последователей. Определенную роль сыграла и личная обида патриарха Никона, которого Неронов обвинил в неуважении к вере и

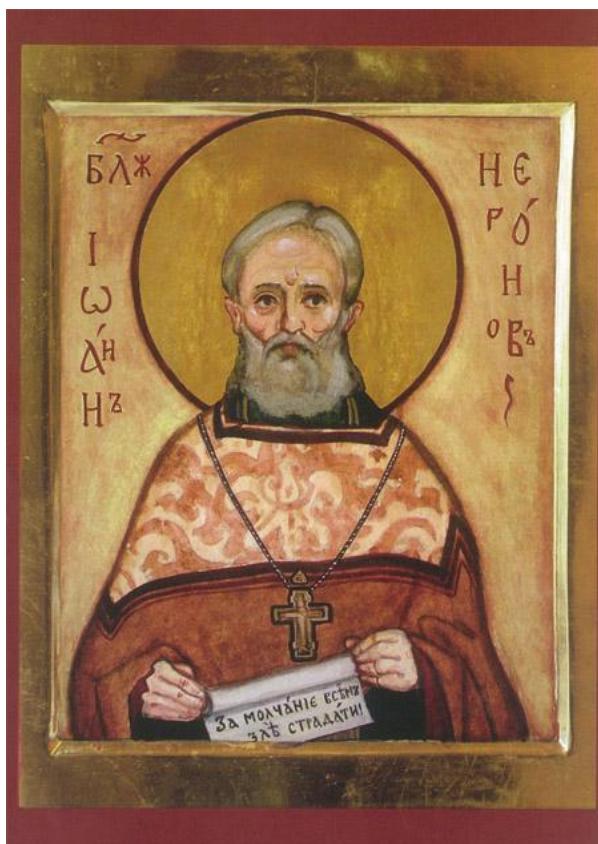
⁵⁸ *Макарий, Митрополит (Булгаков)*. История русской церкви. Том. VIII. История Западнорусской, или Литовской, Митрополии (1458–1596) // TheLib.Ru. URL: https://thelib.ru/books/makariy_mitropolit/istoriya_russkoy_cerkvi_tom_8-read-18.html (дата обращения: 01.06.2021).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Макарий, Архимандрит (Веретенников)*. Из истории русской иерархии XVI века // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Veretennikov/russkaja-ierarhija-xvi-veka/#0_2 (дата обращения: 01.06.2021).

⁶¹ Ростпись спорных речей протопопа Ивана Неронова с патриархом Никоном // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под редакцией Н. Субботина. Москва: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875. Т. 1. С. 50.

чрезмерной жестокости по отношению к своим оппонентам. По решению церковного собора он был определен на смирение в монастырь. Сначала его отослали в Новоспасский монастырь, затем перевели в Симонов монастырь и далее – в Спасо-Каменный монастырь. На Каменный остров он был отправлен под охраной, в кандалах. По собственному признанию Неронова, перед отправкой на Каменный остров ему на шею надели большую цепь⁶². В сопроводительной грамоте его вина обозначалась как «великое бесчиние». Предписывалось его содержать в черных трудах под особым надзором.

Иван Неронов – ссылочный Спасо-Каменного монастыря
Источник: Протопоп Иван Неронов. Собрание документов эпохи.
Санкт-Петербург: Свое издательство, 2012 (вкладка в книгу).

Однако требования по жесткому содержанию Неронова в Спасо-Каменном монастыре первоначально не выполнялись. Братия монастыря оказывала ему почет и уважение. Архимандрит Александр предоставил ему хорошую келью и отрядил в помощь слугу для организации быта. Он питался лучшей пищей с монастырского стола, имел бумагу и чернила для переписки. Особое положение Неронова в Спасо-Каменном монастыре объяснялось его политическим влиянием, а также крайне противоречивым отношением консервативного

⁶² Роспись спорных речей протопопа Ивана Неронова с патриархом Никоном. С. 50.

черного духовенства к проводимым церковным реформам. Была надежда, что опала Неронова будет кратковременной, особенно после его переписки с царем, которая осуществлялась при посредничестве духовника Алексея Михайловича – Стефана Вонифатьева. Только таким образом можно объяснить полученное Нероновым разрешение пользоваться бумагой и вести переписку. В известной степени на особое положение Неронова повлияли и его дипломатические таланты, а также его готовность идти на компромисс с властями. Находясь в изоляции, он продолжал писать не только царю и патриарху, но и своим единомышленникам, разъясняя им собственное понимание веры, что сложно себе представить в условиях жесткой изоляции⁶³.

Во время островной ссылки Неронов несколько раз обращался к царю и его духовнику с письмами, в которых Никон обвинялся в неправомочности действий и угрозах православной веры. Переписка получила большой резонанс и заставила патриарха болезненно реагировать на все выпады. По его настоянию в 1654 г. был созван церковный собор, который подтвердил курс на исправление богослужебных книг и борьбу с противниками церковных реформ. Решение собора не было единым. Епископ Коломенский Павел, обозначивший особое мнение относительно исполнения земных поклонов, был отправлен в ссылку. Заступничество за него закончилось для Неронова запретом писать письма царю. Однако Неронов по-прежнему пытался «достучаться» до царя. Свои челобитные он направлял уже через царицу и царского духовника, настаивая на невиновности противников церковных реформ.

Н.И. Субботин в своем исследовании, посвященном истории церковного раскола, опубликовал письма И. Неронова, написанные им в период ссылки в Спасо-Каменном монастыре. Удивляет география и масштаб переписки, что бесспорно говорит о его авторитете. Он переписывался со своими единомышленниками (Аввакумом, И. Даниловым), противниками (Никоном), обращался к пастве. Составлять письма царю ему помогал его сын Феофилакт, живший в Москве и посещавший отца в его ссылке. Он извещал отца о происходящих в Москве переменах и доставлял письма в Москву⁶⁴. Четыре письма были адресованы С. Вонифатьеву, который, судя по всему, был благосклонен к Неронову и по мере возможности пытался ему помочь. Благодаря стараниям своего духовника царь занял нейтральную позицию по отношению к Неронову. Он не позволил патриарху Никону расправиться со

⁶³ Смирнов С.И. Русские духовники и раскол старообрядчества // Богословский вестник. 1913. Т. 3, № 11. С. 506–509.

⁶⁴ Послание протопопа Ивана Неронова к царю Алексею Михайловичу из Спасскокаменного монастыря, от 6 ноября 7162 (1653 г.) // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под редакцией Н. Субботина. Т. 1, ч. 1. С. 40.

своим соперником даже после бегства того из Кандалакшского Рождественского монастыря, куда последнего определили в заточение в 1654 г.

Вместе с тем достоверность письменных претензий Неронова вызывает сомнения. Например, он считал ошибочными решения о наказании своих сторонников на том основании, что они производились гражданским судом, что в действительности было не так, и о чем члены церкви, судя по другим письмам, был хорошо осведомлен. Кроме того, в письмах он пытался психологически давить на царя, акцентируя его внимание на том, что при Михаиле Федоровиче противники церковных реформ пользовались почетом и уважением⁶⁵. Однако такие аргументы служили в большей степени раздражителем и вряд ли могли изменить мнение царя. Алексей Михайлович, придерживаясь позиции сохранения внутреннего мира, безуспешно пытался примирить враждующие стороны, но делал это крайне вяло.

Достаточно активная деятельность И. Неронова в Спасо-Каменном монастыре говорила о том, что, даже находясь в ссылке, он не утратил своего политического влияния и стремился использовать свои связи для защиты прежней веры и для изменения отношения царя к проводимым реформам. Относительная свобода Неронова была недолгой. По мнению П. Знаменского, архимандрит Спасо-Каменного монастыря Александр вместо ожидавшегося приобретения некоторых выгод для монастыря получил недовольство патриарха за поблажки относительно свободному проживанию Неронова в обители. Его просьбы к Неронову о ходатайстве перед царем о строительстве на острове новой церкви также не были услышаны. По всей видимости, о них опальный ссылочный вообще не писал, озадаченный более масштабными задачами сохранения традиционной веры. После запрета Неронову писать царю интерес архимандрита к его фигуре постепенно пропал. Стало очевидным, что влияние Неронова при московском дворе на деле оказалось меньше, чем представлялось первоначально. Следствием такого вывода стали мелочные конфликты между Нероновым и архимандритом. Первый, будучи крайне требовательным в деталях, что свойственно радетелям веры, вызывал у окружающих раздражение. Его жалобы на нарушения дисциплины, а также требование строго соблюдать монастырский устав стали причиной открытого конфликта с архимандритом и братией Спасо-Каменного монастыря. Постепенно его быт стал больше соответствовать статусу ссылочного. У него отобрали слугу, лишили права посещать церковь, усилили изоляцию. После

⁶⁵ Послание протопопа Ивана Неронова к царю Алексею Михайловичу из Спасо-Каменного монастыря от 6 ноября 7162 (1653) г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под редакцией Н. Субботина. Т. 1, ч. 1. С. 35–36.

очередного доноса о неподобающем поведении братии в Спасо-Каменном монастыре 1 июля 1654 г. Неронов на основании указа патриарха Никона был переведен в Кандалакшский Рождественский монастырь, где условия содержания были более суровыми. Показательно, что во время остановки в Вологде в съезжей избе Неронову удалось составить послание своим сторонникам и царскому духовнику, в которых он по-прежнему отстаивал свои взгляды, обвиняя реформаторов церкви в еретичестве.

Заключение

Спасо-Каменный монастырь относился к разряду обителей, которые в силу своего особого положения были включены в карательную политику государства на раннем этапе формирования государственности, охватывавшем период начала XVI – середины XVII в., когда происходило становление самого монастыря и укрепление российского государства. Оформлению нового направления, связанного с выполнением карательных задач государства и церкви, способствовал также его экономический рост и patronаж великооктябрьской власти, рассматривавшей монастырь как опору распространения государственности. Сложившийся tandem успешно функционировал при наказании противников церкви и государства.

На начальном этапе выполнения карательных задач Спасо-Каменный монастырь активно использовался для наказания знатных духовных особ, оказывавших заметное влияние на политическую жизнь Московского государства. Последней значимой фигурой в статусе ссыльного был член Синода Г. Дашков, сосланный на Каменный остров в 1731 г. Пограничное расположение острова между центром и периферией в сочетании с островной изоляцией делало его оптимальным местом для наказания высокопоставленных лиц из церковной среды. Условия проживания в нем были суровые, но не самые тяжелые. От центра монастырь располагался далеко, но оставался доступен для контроля. Практика ссылки в Спасо-Каменный монастырь простого духовенства за дисциплинарные нарушения и мирян – за уголовные и политические преступления сложилась позднее – в конце XVII–XVIII в. В этот период на Каменном острове появились тюремные помещения: отдельные деревянные пристройки на берегу и земляные ямы.

Ссылка в Спасо-Каменный монастырь церковных иерархов постепенно превратилась в своеобразную карательную традицию, которая не получила соответствующего юридического оформления, но вполне вписывалась в общую практику назначения наказания того времени. Дефицит исторических источников не позволяет сформировать полное представление о нахождении ссыльных в данной обители. Однако несомненно, что их высокое положение на иерархической лестнице давало себя знать в более мягком характере условий

содержания. Многие из них имели контакты с миром, принимали паломников и даже вели переписку, что было нетипично для такого рода наказания. Как правило, в основе решений о ссылке опальных духовных особ лежали различные причины, точно установить которые на сегодняшний день не представляется возможным, что создает почву для широкой интерпретации ограниченных источников: от личной мести до обвинений в государственной измене. Очевидно, что Спасо-Каменный монастырь использовался для борьбы с религиозной оппозицией, представлявшей определенную политическую угрозу для княжеской власти. Борьба с ней осуществлялась в форме внесудебной расправы и отражала процесс усиления государства.

Introduction

The foundations of public and scientific interest in the punitive institutions of the church were first formed at the end of the 19th century when the first publications about monastic exile began to appear. Researchers did not ignore the Spaso-Kamenny Monastery as the history of its development was extremely rich due to its important socio-economic significance for the region. Historians and local historians began to collect information about the monastery, citing individual examples of monastic exile.¹ This was a consequence of the general trend towards liberalization of Russian society, when all traditional values were subject to revision and reconsideration. The church, an essential part of the conservative triad of official nationality, was subjected to merciless criticism by the democratic press. Exile to monasteries was presented as an example of anti-democratic actions of the authorities. In the context of the developing mass enthusiasm for liberal ideas, the position of the state, which viewed exile to monasteries as obsolete, was of little interest to anyone punishment.²

¹ See, e.g., “The features of monastic daily life in the 17th century” [in Russian], *Russian archive. Historical and literary collection*, no. 9 (1873): 1770–84.

² A.R. Pavlushkov, “Russian Orthodox monasteries in the system of punishment in Russia at the beginning of the 20th century” [in Russian], in *University science – to the region: proceedingss of the 9th All-Russian scientific and technical conference, February 25, 2011*, vol. 2, ed. A. Plekhanov (Vologda: VGTU, 2011), 219–21.

The question about including monasteries in the state penitentiary system was raised both by historians and by lawyers.³

During the Soviet period, an ideology-driven approach prevailed. Such an approach induced researchers to present their material, including coverage of the places of punishment at the monasteries, in a definite way.⁴ Thus, the topic of exile to Kamenny Island was associated with the revolutionary movement and struggle against autocracy. Emphasis was placed on resistance to the religious authorities. As an example, one can cite the work on the fate of Ya. Potapov, a worker who was sent to the island for re-education for his participation in the demonstration of 1876 in front of the Kazan Cathedral in Saint Petersburg, and came into open conflict with the hegumen of the Spaso-Kamenny Monastery.⁵ The apotheosis of this kind of politicized works was a famous work by E. Grekulov. For his book, he picked up rather biased facts about monastic exile and described the monastery itself as “the Bastille of the spirit” standing on the guard of the autocracy.⁶ He was also one of the first to report the existence of oubliettes in the monastery’s towers for the prisoners of the Spaso-Kamenny Monastery.⁷ However, the claim of the Soviet historian of religion was rather unfounded, since on the island there had never been stone walls or towers in the classical sense. The expression *kamennye meshki*, meaning oubliettes in Russian, was widespread in those years and was used by other authors to lend the contents a pronounced class character. In the monastery, however, there were stone tents, which were used for household needs.

³ N.D. Sergeevskii, *Punishment in Russian law in the 17th century* [in Russian] (St Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina A.F. Tsinzerlinga, 1887).

⁴ See, e.g., M.N. Gernet, *The history of the tsarist prison* [in Russian], vol. 1 (Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo, 1960); S.M. Solov'ev, *History of Russia since ancient times* [in Russian], bk. 3, vol. 5 (Moscow: Sotsekgiz, 1989), 322–23 (one connects the appearance of prison buildings with the process of centralization of the state).

⁵ S.S. Shusterman, “About the fate of revolutionary worker Ya.S. Potapov” [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 11 (November) (1960): 213–15.

⁶ E.F. Grekulov, *Orthodox inquisition in Russia* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1964).

⁷ Grekulov, *Orthodox inquisition in Russia*, 30.

The general view of the Spaso-Kamenny Monastery (1892)

Source: The Spaso-Kamenny Monastery: founded in 1260: Set of postcards with text on the back of the cover. Vologda: Polygraph-Periodika, 2010, l. 8.

During the Soviet period, the Spaso-Kamenny Monastery was modified for the detention of juvenile criminals. After that it was used as a civil facility (a lighthouse, a fish factory) for a long time (from the 1930s till the 1950s). After the destruction of the main church (the Our Saviour Transfiguration Cathedral) in 1937, the monastery lost its original significance and gradually came to complete desolation. The activity of the monastery was resumed only in 2017 in compliance with the resolution of the Holy Synod.⁸ According to the resolution, it became known as the Spaso-Kamenny Transfiguration Monastery.

⁸ *The journal of the meetings of the Holy Synod* [in Russian], Russkaya Pravoslavnaya Cerkov': officialnyi sait Moskovskogo Patriarkhata, no. 96 (2017), accessed May 31, 2021, <http://www.patriarchia.ru/db/text/5028352.html>

View of Lake Kubenskoe from the functioning church of the Spaso-Kamenny monastery

Source: Photo by Alexander Pavlushkov, 2021.

In the post-Soviet period, interest in the history of the Russian Orthodox Church has grown considerably. However, the historiography of the penitentiary activities of the Spaso-Kamenny Monastery itself is extremely limited, which can be explained by the peculiarity of the research topic. Let us emphasize that the monastery itself has been and remains in the focus of attention of researchers in various fields of science because of its ancient and rich history. Architecture, economic and missionary activities, the start of its formation, and the cultural development of the monastery are the main, but not the only topics that remain attractive to those studying the monastery. The absence of works related to the realization of the punitive function is primarily due to the shortage of archival sources, as well as to the fact that this sphere was not the central one in the activities of the monastery. Substantially different in this respect is the history of research of the Solovetsky Monastery and the Saviour Monastery of St. Euthymius, where state prisons were located,⁹ or the Ferapontov Monastery, where the disgraced Patriarch Nikon was in exile.¹⁰

⁹ A.S. Prugavin, “Prisoners of Solovki” [in Russian], *Russkaya mysl'*, no. 11 (1881): 238–53; A.S. Prugavin, “More on the prisoners of Solovki (On the issue of monastic confinements)” [in Russian], In A.S. Prugavin, *Raskol below and Raskol above* (St Petersburg: Izdatel'stvo A.S. Suvorina), 273–96; M.A. Kolchin, “The exiles and prisoners in the fortress of the Solovetsky Monastery in the 16th–19th centuries. A historical essay” [in Russian], *Russkaya starina*, no. 1 (1888): 37–63.

¹⁰ I.I. Brilliantov, *Patriarch Nikon imprisoned at Belozero: a historical essay by I. Brilliantov* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya A.P. Lopukhina, 1899).

In general, all works somehow related to the topic of exile to the Spaso-Kamenny Monastery can be divided into several groups.

The first group combines the articles devoted to the general development of the monastery in different historical periods as well as the articles which contain any references to exile. The examples are numerous publications of the pre-revolutionary period.¹¹ The way was paved in the middle of the 19th century by the famous researchers Pavel I. Savvaitov and Nikolai I. Suvorov. Not only did they describe the monastery, but they also published some documents that contained evidence of exile to the monastery on Kamenny Island. In particular, Savvaitov described the events of 1775, when one of the prisoners caused a horrible fire in which all wooden buildings were destroyed.¹² N. Suvorov put forward a version according to which the cause of the fire was not a prisoner, as official sources said, but negligence of guard soldiers. His arguments were based on the fact that the prisoner, in whose room the fire started, was seriously ill and could hardly make fire by himself.¹³ N. Suvorov's reasons were quite convincing, as they were based on the materials of the investigation commission. After the fire, due to lack of funds for reconstruction, the Holy Synod decided to temporarily close the monastery, to sell all its remaining property, and to include the proceeds in the revenue of the Holy Spirit Monastery.¹⁴

A certain role in expanding the agenda of the research topic was also played by local historians. They tried to draw public attention to the largely forgotten history of the monastery on Kamenny Island, which ceased to be a cultural object for local residents and turned into an element of the natural lake landscape. Short publications about exile to the Spaso-Kamenny Monastery of famous representatives of Raskol

¹¹ I. Muromtsev, “A trip to Kamenny Island in Vologda Governorate: from a diary, 1847” [in Russian], *Vologoskie gubernskie vedomosti*, no. 3 (1848): 25–30; I. Ostroumov, *Shrines of our North (A journey to Solovki, Valaam and other monasteries of Northern Russia): essays and stories* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya P.P. Soikina, 1897), 135–50; N. Konoplev, “The Spaso-Kamenny Monastery on Lake Kubenskoe and its ascetics” [in Russian], *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti*, no. 1 (1912): 15–23.

¹² P.I. Savvaitov, comp. *The description of the Holy Spirit Monastery in Vologda, compiled in 1860 by P. Savvaitov, revised and supplemented in 1885 by N. Suvorov, in 1912 by I. Suvorov* [in Russian] (Vologda: Tipografiya P.A. Tsvetkova, 1912).

¹³ N.I. Suvorov, *Description of the Spaso-Kamenny Monastery on Lake Kubenskoe* [in Russian] (Vologda: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1893); N.I. Suvorov, *Historical information about the hierarchs of the Old Perm and Vologda dioceses* [in Russian] (Vologda: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1868).

¹⁴ “Report to the Holy Synod from Irenaeus, Bishop of Vologda and Belozersk, on the need to abolish the burned down Our Saviour Stone Monastery on Lake Kubenskoe, as of August 13, 1775” [in Russian], in P.I. Savvaitov, comp. *The description of the Holy Spirit Monastery in Vologda, compiled in 1860 by P. Savvaitov, revised and supplemented in 1885 by N. Suvorov, in 1912 by I. Suvorov* (Vologda: Tipografiya P.A. Tsvetkova, 1912), 80.

and revolutionary figures appear in the local periodicals.¹⁵ As a rule, such facts are considered in the context of the biography of Ustyanshchina, the vast territory adjacent to the monastery, through which communication with the island was carried out. Undoubtedly, the activity of local historians contributes to the popularization of the history of the region.

The second group of articles consists of works that reflect the role of individual personalities whose fate was connected with the history of the monastery. In these publications, one can find general facts on exile of famous prisoners to the Spaso-Kamenny Monastery.¹⁶ Among them is the figure of the former Archbishop of Rostov Georgii Dashkov. N. Suvorov believed that he was a victim of political intrigues, in which the Russian Orthodox Church leadership was involved. Suvorov substantiated his position showing that the accusations were fabricated and, from his point of view, had no proper legal support.¹⁷ Suvorov's opinion was supported by A. Kartashev, a famous church historian. In his work, Kartashev revealed the details of the prosecution and punishment of Georgii Dashkov. He called his exile to the Spaso-Kamenny Monastery "a second death" after the 1731 trial.¹⁸ This conclusion correlates with contemporary research, reflecting the difficulties of maintaining the disgraced church archbishop and the process of new investigations on the basis of new denunciations.¹⁹ An extremely unseemly role in this process was played by the tandem of Ernst Johann von Biron and Theophan (Feofan) Prokopovich, who set in motion a mechanism of repression against opponents and potential rivals. Thanks to the efforts of the latter, exile of Georgii Dashkov, a member of the Synod, to the Spaso-Kamenny Monastery turned into real imprisonment.²⁰

Contemporary publications devoted to various aspects of the activities of the Spaso-Kamenny monastery also mention some individual facts of exile. In particular, Olga N. Adamenko cites an important evidence proving that in the late 17th century

¹⁵ Yu. Sokolov, "The legend of ancient times" [in Russian], *Severnaya Nov'*, no. 134 (6245), November 9, 1989, 4; Yu. Sokolov, "The last high guest of Kamenny Island" [in Russian] *Severnaya Nov'*, no. 58 (6953), May 24, 1994, 3.

¹⁶ A. Kruglov, "A trip to Lake Kubenskoe" [in Russian], *Istoricheskii vestnik*, vol. 74, no. 12 (1898): 1053–54.

¹⁷ Suvorov, *Historical information about the hierarchs of the Old Perm and Vologda dioceses*, 162.

¹⁸ A.V. Kartashev, *The history of the Russian Church* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Eksmo-Press, 2000), 570–73.

¹⁹ A.R. Pavlushkov, "The fate of the vice-president of the Synod G. Dashkov" [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 7 (2015): 162–68.

²⁰ A.R. Pavlushkov, "State-church relations in the assessments of E.I. Biron's personality" [in Russian], in *Collected scientific works of the employees of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia*, ed. A.A. Seredin (Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2019), 143–48.

there was a prison cell, located in the area of wooden outbuildings along the shore of the island.²¹ The prison building was identified on the basis of the description of the monastery dated 1701–02. It can be assumed that such premises existed during the 17th century, when the “contour” of the living space, which outwardly resembled a wooden fortress wall, began to be formed. M. Cherkasova included several valuable references to the documents of the 17th century on the punitive activities of the Spaso-Kamenny Monastery in her comprehensive publication of the document collection of 40 Vologda monasteries.²² In the 17th century, the Spaso-Kamenny Monastery took part in lawsuits, had its own solicitor and kept records. Judging by the documents, we can conclude that in the middle of the 17th century the monastery was already actively used as a place of exile for both clergy and laymen. The clergymen were mainly exiled for service violations, while *tyagletsy* [tax paying peasants] were sent there for vicious behavior (i.e. drunkenness, gross violation of public order). Moreover, there are known cases of captive Poles being held there.

Addressing the topic at hand requires clarification of the use of certain terms and concepts. By punitive policy the author understands the practice of applying special measures of influence in the form of punishment on society. Such measures are aimed at strengthening the power of the state authorities. The meaning of the term is associated with the concept of retribution, i.e. punishment, pursuing the goals of vengeance, intimidation and strengthening of power. In modern interpretation, retribution is identified to a greater extent with one of the goals of punishment (retributive theory of punishment)²³ or is perceived as an anachronism characteristic of a certain historical stage in the development of the society.²⁴ According to Michel Foucault, the interpretation of retribution evolved with time and became gradually filled with a rational and more humane attitude towards the offender.²⁵ Foucault tried to identify patterns of evolution of both punishment and politics. Techniques of

²¹ O.N. Adamenko, *Organization of the island space of the Spaso-Kamenny Monastery in the 17th century* [in Russian], Booksite, accessed July 1, 2021, <https://www.booksite.ru/civk/data/adamenko.pdf>; O.N. Adamenko, “Spatial arrangement of the economic complexes of the monasteries of the Vologda and Belozersk uyezds in the 17th century” [in Russian], in *Nekrasov readings. Materials of the 4th All-Russian scientific conference in memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Yu.K. Nekrasov (1935–2006)*, ed. V.A. Sablin (Vologda: VoGU, 2020), 26–32.

²² M.S. Cherkasova, *Archives of Vologda monasteries and churches of the 15th – 17th centuries: research and reconstruction experience* [in Russian] (Vologda: Drevnosti Severa, 2012).

²³ A.V. Shesler, “Why criminal punishment should be retribution” [in Russain], *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, no. 1 (2019): 84–96.

²⁴ V.I. Dal', *Explanatory dictionary of the living Great Russian language* [in Russian], vol. 2 (St Petersburg: Izdatel'stvo M.O. Vol'fa, 1881), 89.

²⁵ M. Foucault, *Discipline and punish: the birth of the prison* [in Russian], trans. V. Naumov (Moscow: Ad Marginem, 1999).

punishment, in his opinion, should be considered in the context of “the history of the political body and the practice of criminal law.” Medieval history was characterized by its own (dual) perception of punishment, based on the interweaving ideas of the infallibility of power and Christian morality. The prevailing punitive intentions of punishment compensated for the “shortcomings of politics,” which was unable to influence society sufficiently under the circumstances when power had to be retained at all costs. In this sense, the punitive policy of the medieval state first of all reflected the process of strengthening and reinforcing the unity of power. Punishment was interpreted as a special right of the suzerain to judge not only the perpetrators of criminal offenses, but also political rivals, opponents, and those disobedient to the will of the prince.

For a long time, the concept of punitive policy was applied in historiography only in individual cases in order to refer to a strictly defined period or phenomenon (institution) in order to emphasize the repressive nature of state activities in relation to society.²⁶ Currently, there is a tendency to use this concept talking about different periods of history. Thus, when characterizing punishment in medieval society, Michel Foucault actively used concepts filled with punitive content: i.e. punitive measures, punitive mechanism, punitive means, etc. Punishment, in his opinion, was gradually transformed into an expanded form of impact on society from authorities.

Consequently, the use of the concept of “punitive policy” allows us to make a more complete assessment of the heterogeneous domestic processes that took place in the period of formation of the Russian state. The range of modern works devoted to the punitive policy of the Russian state is rather insignificant.²⁷ However, the role of the Spaso-Kamenny Monastery is not reflected in it, which actualizes the topic of this article.

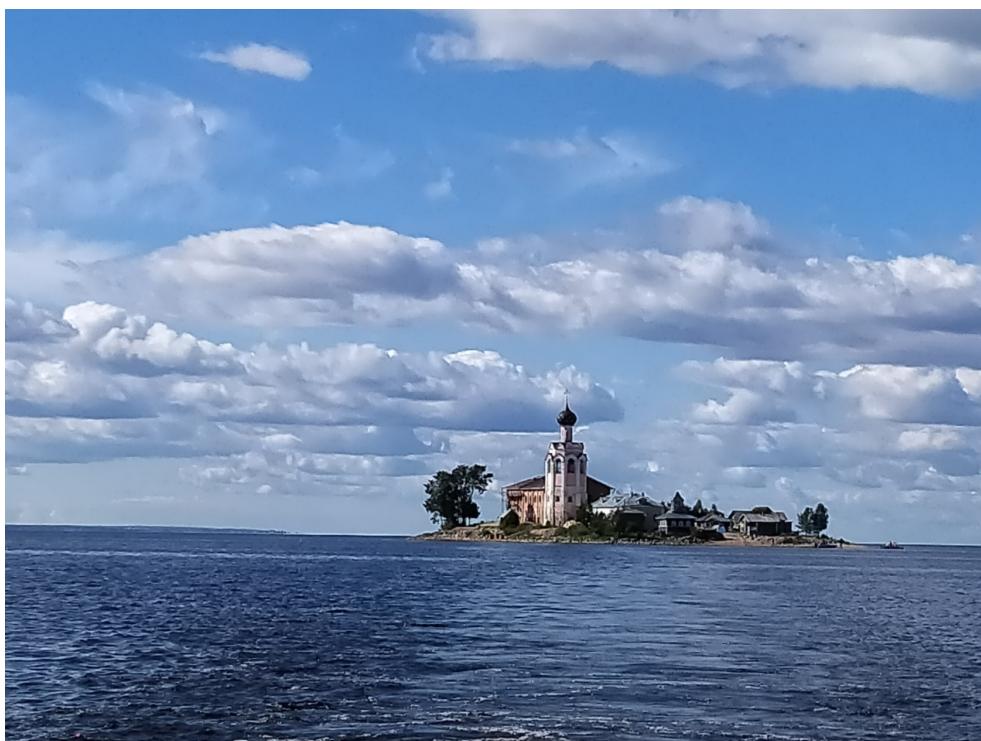
Main body

The Spaso-Kamenny Monastery belongs to the small lake-island type of monasteries. The limited territory made it impossible to build large buildings and

²⁶ See, e.g., P.L. Kazaryan, *Yakut political exile in the system of punitive policy of tsarism* [in Russian] (Doct. diss., Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, 1998); S.I. Kuz'min, “On the issue of punitive policy of the Russian state after the revolution of 1917” [in Russian], in *Penitentiary system and society: the experience of interaction: collected materials of the 5th international scientific and practical conference, April 4–6, 2018*, comp. V.A. Ovchenkov (Perm: Permskii institut FSIN Rossii, 2018), 14–18.

²⁷ V.A. Rogov, *Criminal law and punitive policy in the Russian state of the 15th – 17th centuries* [in Russian] (Moscow: Vsesoyuznyi yuridicheskii zaochnyi institut, 1990); O.A. Tarnovskii, “Church criminal jurisdiction as an alternative to the state punitive policy of the Old Russian state” [in Russian], *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 3 (45) (2020), 90–94.

stone walls and at the same time led to certain difficulties for those living in the monastery.

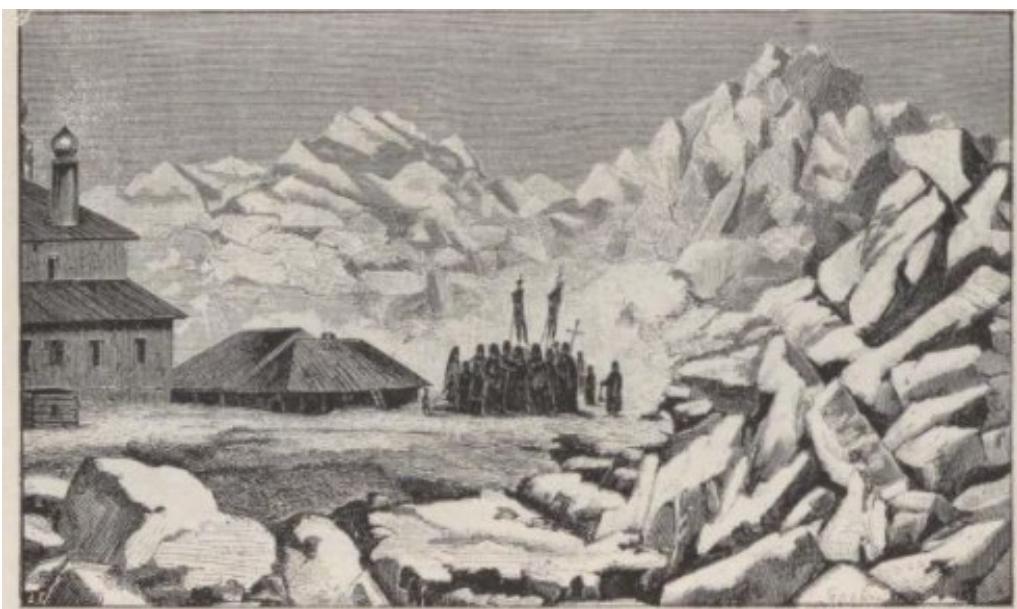

The Spaso-Kamenny Monastery, modern view
Source: Photo by Alexander Pavlushkov, 2020

The island is located at the beginning of a lake corridor and is constantly blown by the winds. Moreover, in April, communication with the island stops for several weeks due to ice movement. Such movement forms around the island a peculiar ice shield. This shield is as high as a three-story house. A pre-revolutionary publication by A. Pavlovskii contains a vivid drawing of the procession of the brethren of the Spaso-Kamenny Monastery against the background of huge mountains of ice, threatening all life forms.²⁸ Such extreme natural conditions limited the use of the monastery for punitive purposes, the implementation of which required control and additional material resources. Despite the isolation of the monastery, there were facts when exiles succeeded in escaping from the island, which was documented. Thus, in 1699, F. Bestuzhev, who was put under arrest for obscene language, managed to escape from the monastery.²⁹

²⁸ A.A. Pavlovskii, “Cloisters of the Russian Empire: the diocese of Vologda” [in Russian], in *General illustrated guide to the monasteries and holy places of the Russian Empire and Athos* (Nizhny Novgorod: izdanie tovarishchestva I.M. Mashistova, 1907), 91–128.

²⁹ Cherkasova, *Archives of Vologda monasteries and churches*, 208.

Ice-bound Spaso-Kamenny Monastery on Lake Kubenskoe.

Source: A.A. Pavlovskii, “Cloisters of the Russian Empire: the diocese of Vologda,” *General illustrated guide to the monasteries and holy places of the Russian Empire and Athos* (Nizhny Novgorod: Tovarishchestvo I.M. Mashistova, 1907), 103.

It is rather difficult to establish when the penitentiary activities at the Spaso-Kamenny Monastery first began. Moreover, even the first fact of exile to the monastery does not have a particular meaning. It is more reasonable to talk about the origins of the inclusion of the monastery in the punitive policy of the state. We believe that the beginning of the 16th century can be seen as a frontier when the already-formed model of symmetry of the state and the church began to feel pressure from the nascent political elite, which was growing needed additional resources to strengthen its own influence.

By that time, the patronage of the grand-princely power in relation to the Spaso-Kamenny Monastery had already taken shape, which was a characteristic general trend in the 15th century.³⁰ It was connected with the well-known events of the new phase of the feudal war, which also did not leave aside the territory of the Vologda lands and the monasteries located there.³¹ Prince Vasilii II of Moscow (Vasilii II the Blind), who was removed from power by Dmitrii Shemyaka in February 1446 as a result of conspiracy, was kept under house arrest in Uglich at first and then he was exiled to Vologda. In 1447 he made several journeys to holy places, including a visit to the Spaso-Kamenny Monastery, where he hoped to receive the support of the local

³⁰ O.N. Adamenko, *Land tenure and economy of the Spaso-Kamenny Monastery in the 15th – 17th centuries* [in Russian] (PhD thesis, Lomonosov Pomor State University, 2008), 13.

³¹ For details, see A.A. Zimin, *A knight at the crossroads: the feudal war in fifteenth-century Russia* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1991).

clergy. As a result, he received not only the blessing he was hoping for but also the right to resume the struggle for the return to the throne. Hegumen Tryphon of the Kirillo-Belozersky Monastery withdrew the spiritual oath from the prince explaining his decision by the illegality of Vasilii II's removal from power and the pressure he felt towards making such a step.³² Hegumen Euthymius of the Spaso-Kamenny monastery also confirmed the legality of the actions of Vasilii II the Blind on retrieval of the grand-princely power and called such a decision "a desirable way."³³

The open support of the Spaso-Kamenny Monastery for the Grand Prince Vasilii II under conditions of political uncertainty, when some monasteries tried to distance themselves from participation in the feudal war, eventually led to a further growth of its influence. The prince did not forget the loyalty of the brethren. In 1447, the monastery received from Vasilii II the village of Pokrovskoe.³⁴ At the same time, a sober calculation in assessing an extremely complex political environment could be seen in the actions of the brethren of the Spaso-Kamenny Monastery. According to N. Karamzin, such unity was possible only if Vasilii II the Blind had a broad support of the Moscow spiritual elite, which did not believe in the sincerity of the actions of Dmitrii Shemyaka and insisted on the release of the exiled Grand Prince.³⁵

Thus, the monasteries in the periphery were transformed into a kind of strongholds for the spread of state influence. The Spaso-Kamenny Monastery was no exception in this respect. Justifying selfish steps of Moscow princes to destroy their rivals, Kluchevskii appealed above all to the idea of national unity, where the interests of the church, state, and society coincided.³⁶ In his opinion, in the middle of the 15th century, there came a turning point, when the actions of Moscow in the consciousness of the population gradually began to be perceived as a spiritual feat for the sake of the common good. The idea of political unity as reasonable justice became more important than the law. Moscow princes began to actively implement exile to monasteries as a method of unlawful reprisals against their political opponents.

³² Complete collection of Russian chronicles [in Russian], vol. 4, pt. 1, *The Novgorod Fourth Chronicle* (Leningrad: AN SSSR, 1925), 454–55.

³³ Cited in K.A. Solov'ev and E.V. Nikonova, "The Spaso-Kamenny Monastery on Lake Kubenskoe – a unique abode of the Northern Thebais and its historical legends" [in Russian], *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, vol. 7, no. 4 (2018): 317.

³⁴ O.L. Novikova, "Chronicle notes in the Kirillo-Belozersk manuscript of the 1560s and the Legend of the Spaso-Kamenny Monastery" [in Russian], in *Essays on feudal Russia*, is. 12, ed. S.N. Kisterev (Moscow: Al'yans-Arkheo, 2008), 38–90.

³⁵ N.M. Karamzin, *History of the Russian state* [in Russian], bk.1, vol. 6 (St Petersburg: Zolotoi vek, 2003), 625.

³⁶ V.O. Klyuchevskii, *Writings* [in Russian], ed. V.L. Yanin, vol. 2 (Moscow: Mysl', 1988), 108–9.

One of the earliest and little-studied facts is exile to the Spaso-Kamenny Monastery of the *Metropolitan of Moscow Zosimus*, a well-known church hierarch. His stay at the monastery gave birth to many legends, which was caused primarily by the scarcity of information and different interpretations of existing sources. The approximate time of his stay at the island monastery was between 1504 and 1510. Reference to various sources allows us to determine certain details of the reasons for his exile, which had begun much earlier, in 1494. After that he was transferred to several monasteries, each transfer being accompanied by a noticeable deterioration in his living conditions. The chronicles contain contradictory versions: from his voluntary resignation from the metropolitan office to his forced removal from power. In particular, the Vologda-Perm Chronicle and the Typographical Chronicle report about the forced departure of Metropolitan Zosimus. In these sources, this fact is referred to as “leaving the metropolitanate against his will.”³⁷ In particular, the Vologda-Perm Chronicle reported that, “in the summer of 7003, the Grand Prince banished the Metropolitan of Moscow Zosimus from the metropolitanate.”³⁸ Most likely, some circumstances that discredited Zosimus emerged in his biography. As a result, such a resignation, compulsory but made to appear as voluntary, was the best way to resolve the situation.³⁹. According to P. Znamenskii, the reason for exiling Metropolitan Zosimus to a remote island was “drunkenness and neglect of the church.” He characterized the Metropolitan of Moscow as “a liberal and a reveler,” who was lenient to various violations of rules within the church and brought disgrace to the clergy.⁴⁰

Formally, the reasons mentioned above could incur punishment. Moreover, exile because of drunkenness later became widespread and was practiced everywhere until the end of the 19th century. However, in cases of senior representatives of the church, such transgressions could hardly be a ground for such a severe punishment. It is more likely that the Metropolitan of Moscow Zosimus was suspected of being tolerant of the Heresy of the Judaizers, who criticized the official church for numerous shortcomings in the life of the clergy. The heresy became widespread not only in Veliky Novgorod but also in the capital of the country. At the turn of the 15th – 16th centuries, a campaign took place in the Grand Duchy of Moscow against various intra-church ideas which weakened not only the church but also the foundations of

³⁷ Complete collection of Russian chronicles [in Russian], vol. 24, *The Tipografskaya Chronicle* (Petrograd: 2-aya gosudarstvennaya tipografiya, 1921), 213.

³⁸ Complete collection of Russian chronicles [in Russian], vol. 26, *The Vologda-Perm Chronicle*, ed. M.N. Tikhomirov (Moscow: AN SSSR, 1959), 289.

³⁹ A.I. Alekseev, “Zosimus” [in Russian], *Orthodox Encyclopedia*, accessed April 1, 2021, <https://www.pravenc.ru/text/200033.html>

⁴⁰ P.V. Znamenskii, *The history of the Russian Church* [in Russian], Pravmir, accessed April 1, 2021, https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3823#part_59689

the grand-princely power. Joseph of Volotsk, a supporter of resolute struggle against heretics, openly accused Metropolitan Zosimus of patronizing heretics since the measures he had taken previously had no real effect. Indeed, in 1490 under the guidance of Zosimus, a church council was convened, which put the Novgorod heretics under a curse and ordered them to be exiled to monasteries. Before that, some of them were subjected to public ridicule. They were driven around the city in birch-bark caps, which were set on fire at the end of the execution, and the townspeople were allowed to spit on them.⁴¹ These measures, however, did not put an end to the existing religious dissent. Joseph of Volotsk blamed Metropolitan Zosimus for undermining the Orthodox faith and accused him “of getting drunk on Judaic poison and of bad rhetoric.” He himself declared Zosimus “a pernicious and filthy serpent, a malicious wolf clothed in pastoral clothing.”⁴² Joseph of Volotsk managed to achieve the resignation of the Metropolitan of Moscow Zosimus and contributed to the intensification of measures, which led to the deterioration of his living conditions while he was transferred from one monastery to another.

At the same time, it would be more correct to refer to the resignation of Zosimus and his initial departure to the Trinity Lavra of St. Sergius as a removal rather than exile. At that time the Trinity Lavra of St. Sergius was already an influential center of political and cultural life,⁴³ and the presence of the honorable elder showed that the former Metropolitan of Moscow was still taken into consideration. This was a period of conditional isolation of Metropolitan Zosimus, which was followed by his transfer to the Kirillo-Belozersky Monastery (approximately in 1502) and then to the Ferapontov Monastery. They were situated far from the center and were notable for their asceticism and more severe conditions of life. His stay there can already be considered as exile where Zosimus had the status of a starets. During this period, the suspicions against Zosimus grew even stronger. Moreover, an attempt was made to accuse him of connivance with the spread of heresy. His final place of life was the Spaso-Kamenny Monastery. This exile meant Zosimus’s actual isolation from the outside world. He arrived on the island approximately in 1504 after a church council

⁴¹ “The legend by the sinful monk Isof of the newly-appeared Novgorod heresy of heretics and apostates” [in Russian], *Ancient Russian Bibliotheca, containing a collection of Russian antiquities, referring to the Russian history, geography and genealogy, published by N. Novikov*, ed. 2, pt. 14 (Moscow: Kompaniya Tipograficheskaya, 1790), 135.

⁴² *The legend by the sinful monk Isof*, 135–36.

⁴³ V.I. Baldin, *The Trinity Lavra of St. Sergius: architectural ensemble and art collection of ancient Russian art of the 14th – 17th centuries* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1996).

whose decisions stipulated for stricter sanctions against heretics. The hegumen of the Spaso-Kamenny Monastery was instructed to supervise the newly arrived starets.⁴⁴

Zosimus spent the last six years of his life in the Spaso-Kamenny Monastery (until the end of 1510), as witnessed by the inscription on a copy of the works of Gregory the Theologian. According to this inscription, the starets of that monastery, Theodosius, brought these works to the Ferapontov Monastery as a gift from the former Metropolitan of Moscow Zosimus and in memory of him and his stay at the Spaso-Kamenny Monastery.⁴⁵ Taking into account the fact that this request of Zosimus was granted by the hegumen of the Spaso-Kamenny Monastery, we can assume that Zosimus held a special position at the Spaso-Kamenny Monastery, translating and interpreting works of the teachers of the Greek Church. This was a particularly important occupation for that period of time as liturgical texts were in very short supply.

Thus, the exile of Metropolitan Zosimus to Kamenny Island was a consequence of the worsening of the struggle of the Russian Church with its religious opponents, who criticized it, and in many respects reasonably, for its numerous shortcomings, including land appropriation. Undoubtedly, a certain role was also played by Zosimus's personal traits. He looked noticeably paler against the background of the fanatically devoted Joseph of Volotsk. Balancing between various court parties, Zosimus turned out to be a weaker politician because he did not have the decisiveness which should be inherent in a man of his position.

No less significant was exile to Kamenny Island of the *Metropolitan of Moscow Varlaam* (about 1523). The Sofia Second Chronicle reports on this fact as follows, "In the summer of 7031, on December 18, Metropolitan Varlaam left his metropolitanate and was exiled to Simonovo, and from Simonovo he was exiled to Vologda Uyezd to Kamennoe."⁴⁶ This exile of Metropolitan Varlaam was a confirmation of the strengthening of grand-princely power through the introduction of the practice of extra-judicial punishment when exile to a monastery was used as an instrument to combat political opponents or pretenders to the grand-princely throne. Vasili III was the first to use exile in this way although the practice of isolation of opponents had already existed before. As an example, we can quote the infamous reprisal of Ivan III against his brother Andrei and his sons. In this case, however,

⁴⁴ P.V. Znamenskii, *The history of the Russian Church, Period III. The division of the Russian Church into two metropolitanates* [in Russian], Pravmir, accessed July 4, 2021, https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3823#part_59688

⁴⁵ P.A. Kolesnikov, ed., *Written records in the museums of Vologda Oblast: Catalogue and guide 'Manuscript books of the 14th – 18th centuries' of the Vologda Oblast Museum* [in Russian], pt. 1, is. 2 (Vologda: Severnoe otdelenie arkheograficheskoi komissii AN SSSR, 1987), 56.

⁴⁶ Complete collection of Russian chronicles [in Russian], vol. 6, *The Sofia Second Chronicle* (St Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa, 1853), 264.

repression was used not against secularists but against the clergy. Thus, the inclusion of the church in the political sphere was recognized.

Cases of punishment of the clergy by the grand-princely authorities had already been known. Ivan III repeatedly subjected clergymen to a humiliating public execution (flagellation) in the marketplace. Its purpose was to demonstrate the force of retribution and the absolute equality of every one before the power of the prince in case of unlawful interference in state affairs. In 1491, Archimandrite of the Chudov Monastery was publicly flogged in the town square along with Prince Khomutov of Ukhtom for drawing up a fictitious land title deed.⁴⁷ Continuing his father's policy, Vasilii III was no less resolute in suppressing any attempts to weaken the grand-princely power. In this connection any criticism of the Grand Prince's actions by the church could be perceived by him as an attack on his authority, as evidenced by the exile of the Metropolitan of Moscow Varlaam.

Researchers have reached no agreement about the reasons for Metropolitan Varlaam's exile to the Spaso-Kamenny Monastery. According to historian V. Nazarov, such a step was based on the political motives of Vasilii III, who was extremely displeased with the impudence of the Metropolitan of Moscow and his attempt to criticize the tough actions of the prince in relation to boyars who were suspected of treason.⁴⁸ During the devastating campaign of the Crimean Khan Mehmed I Giray in 1521, Moscow was ravaged. Under pressure from the boyars, the Grand Prince was forced to sign a humiliating treaty recognizing the dependence on the Crimean Khanate. Subsequently, the trial and search for the perpetrators of the attack on the capital began. Some prominent boyars were subjected to disgrace. The church, which traditionally played the role of a political and judicial arbiter, was against the excessively harsh measures. Metropolitan Varlaam adhered to this line, thus reflecting the general position of the church.

P. Znamenskii had a different point of view on the reasons for Varlaam's exile to the Spaso-Kamenny Monastery. He believed that the motive for such a step was a manifestation of bad features of grand-princely power. Trying to strengthen his authority, Vasilii III made attempts to subordinate the church. This can be proved by the new practice of appointing a new Metropolitan without any Synod elections, based entirely on personal will of the prince. Violation of the canonical tradition of electability with the silent consent of the clergy weakened the church, which Varlaam resisted. P. Znamenskii made such a conclusion based on a comparison of Varlaam with his successor, Hegumen Daniil, who was overridden by "the will of the

⁴⁷ N.M. Karamzin, *History of the Russian state* [in Russian], bk. 1, vol. 6, 795.

⁴⁸ V.D. Nazarov, "The dynastic war of the Moscow Rurik dynasty and the formation of the unified Russian state" [in Russian], Kul'tura.RF, accessed June 1, 2021, <https://www.culture.ru/movies/3147/dinasticheskaya-voina-moskovskikh-ryurikovichei-i-stanovlenie-edinogo-rossiiskogo-gosudarstva>

authoritative and not always fair Grand Prince.”⁴⁹ It was manifested in Daniil’s approval of the forced tonsure of his first wife Solomonia Saburova at the Pokrovsky Monastery in Suzdal in 1525 and then the approval of the dubious remarriage of Vasilii III. Chronicles do not give a definite answer on the real reasons of the divorce and exile of Solomonia, but they describe the course of the investigation. Based on the existing chronicle evidence, historian Lyudmila E. Morozova cast doubt on Daniil’s participation in the tonsure of the Grand Princess. However, the indisputable fact is that the figure of the Varlaam’s successor proved to be more convenient for the Grand Prince.⁵⁰

The version of Varlaam’s refusal to support the Grand Prince’s divorce and his subsequent exile to the Spaso-Kamenny Monastery looks quite convincing, since the Metropolitan of Moscow was notable for his strict adherence to church rules. He did not find sufficient reason for the forced tonsure of the Grand Prince’s wife especially because she was categorically against such a decision. The Grand Prince “did not like” Metropolitan of Moscow and Varlaam’s exile to the Spaso-Kamenny Monastery was a demonstration of his ambition and power as there was no real reason for such harsh measures.⁵¹ It is quite possible that the Grand Prince had a wider view of the situation (as his father did), evaluating it in a political rather than religious and ethical context. The absence of an heir to the throne because of Solomonia’s childlessness not only threatened the barely consolidated power, but also doomed the country to a new internecine war in the future. Varlaam’s unwillingness to take into consideration the political risks of this situation caused Vasilii III’s natural irritation and suspicion of treason.

No less convincing is the assumption put forward by E. Golubinskii about the political motives behind Varlaam’s exile to the Spaso-Kamenny Monastery. In his opinion, the Metropolitan of Moscow was concerned about the intention of the Moscow Prince to give him a central role in the arrest of Prince Vasilii Shemyachich, whom Varlaam had to persuade to come to Moscow.⁵² Obviously, it would not be quite right to try to give only one reason for Varlaam’s exile to the monastery. The Grand Prince had good reason to be displeased with the head of the church. Existing

⁴⁹ P.V. Znamenskii, *The History of the Russian Church, Metropolitans under Ivan III and Vasilii* [in Russian], Azbyka very, accessed September 1, 2021, https://azbyka.ru/otekhnik/Petr_Znamenskij/istorija-russkoj-tserkvi-znamenskij/3_3_2

⁵⁰ L.E. Morozova, “On the question of the circumstances of Vasilii III’s marriage to Solomonia Saburova” [in Russian], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 2 (2014): 165.

⁵¹ P.V. Znamenskii, *The History of the Russian Church* [in Russian], Pravmir, accessed April 1, 2021 https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3823#part_59689

⁵² E.E. Golubinskii, “Metropolitan Varlaam” [in Russian], Azbyka very, accessed April 1, 2021, https://azbyka.ru/otekhnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-russkoj-tserkvi-tom-2-chast-1/3_6

sources provide no information about Varlaam's stay at the Spaso-Kamenny Monastery. He spent about 10 years in custody. Brief Kirillo-Belozersky Chronicle no. 4 mentions that on March 24, 1533, on the eve of the Annunciation, the former Metropolitan of Moscow Varlaam passed away.⁵³

Summarizing everything written above, we can conclude that the use of the Spaso-Kamenny Monastery as a place of exile helped to formalize the tradition of removing Russian hierarchs under the circumstances when the church was trying to defend its political autonomy. Exile of another hierarch, *Bishop Barsanuphius (Varsonofii) of Smolensk*, to this monastery (approximately at the same time) confirms that. He was charged with treason and conversion to the side of the Polish King and Grand Duke Sigismund I of Lithuania. According to the chronicles, in 7023 (1515), Barsanuphius “despised the divine court and violated his priesthood conscience and the kiss of the cross, and betrayed the Tsar to the Grand Duke and sent to the King his tribune Vas'ka Khodykin” with a message that Smolensk could be captured quickly because the city was not properly protected.⁵⁴ The townspeople reported the treachery. Barsanuphius was accused of “imposing a Latin liturgy on Orthodoxy.” A preliminary “search for the truth” confirmed the accusation. Both boyars and “lordly bourgeoisie” testified against Barsanuphius. By decree of the Smolensk Prince (local governor) Vasily Vasil'evich Shuisky, Barsanuphius was sent to Moscow, where his case was to be investigated. By order of the Grand Prince Vasilii III, Barsanuphius was first exiled to the Chudov Monastery and later transferred to the Spaso-Kamenny Monastery.⁵⁵

Archbishop Arsenii, the Metropolitan of Kyiv, was another notable figure who had a direct relation to the history of the use of the Spaso-Kamenny Monastery as a place of exile. He was exiled to Kamenny Island after the capture of Polotsk in 1563, following charges of loyalty to the Polish authorities. He stayed in confinement until the end of his life (1576).⁵⁶ No information survived about his stay at the monastery. His exile can be seen as quite a natural and relatively “light” form of punishment. It is no secret that Ivan the Terrible dealt harshly with allies of his political opponents. It would be enough to remember the fate of the 500 members of the Great Novgorod clergy who were caned to death in 1570 after being accused of treason and intention

⁵³ A.A. Zimin, “Brief chronicles of the 15th – 16th centuries” [in Russian], *Istoricheskii arkhiv*, no. 5 (1950): 30.

⁵⁴ Complete collection of Russian chronicles [in Russian], vol. 6, *The Sofia Second Chronicle*, 256.

⁵⁵ B.N. Florya, “Barsanuphius” [in Russian], *Orthodox Encyclopedia*, accessed April 1, 2021, <https://www.pravenc.ru/text/154341.html>

⁵⁶ Metropolitan Manuil (Lemeshevskii), *Russian Orthodox hierarchs: 992–1892*, vol. 1, Azbyka very, accessed July 1, 2021, https://azbyka.ru/otekhnik/Manuil_Lemeshevskij/russkie-pravoslavnye-ierarhi-992-1892-gg-tom-1/29

to go to the side of the Polish King.⁵⁷ On the other hand, the Orthodox Church did not take enough measures against the strengthening of Poland in the borderline territories. As a result, the position of the Orthodox people in the Lithuanian archdiocese was becoming worse and worse.⁵⁸ Arsenii was formally an ally of the Grand Duchy of Lithuania, against which the Grand Duchy of Moscow had been waging war for a long period of time. Arsenii's appointment to the Polotsk Cathedra of the Kiev Metropolitanate was supported by the Polish King. Describing the history of the Western Russian metropolitanate, Metropolitan Makarius referred to the royal charter appointing the monk Arsenii Shishka as the ruler of Polotsk.⁵⁹ It is indicative that his appointment took place at the request of the townspeople, which provided the royal authority with broad support. Of course, such a decision did not suit the Tsar of Moscow, who considered this appointment a disgrace, which showed a rupture with the Grand Duchy of Moscow. He was a bishop for about four months. On October 22, 1562, Arsenii was appointed Hierarch of Polotsk, and on February 15, 1563, after the capture of Polotsk by Russian troops, he was arrested and sent to Moscow,⁶⁰ and later he was exiled to Kamenny Island.

The exile of church figures to the Spaso-Kamenny Monastery continued in the 17th and 18th centuries. Approximately in July 1653 (right in the middle of the church reforms), Ivan Neronov was also sent to the monastery. He was one of the brightest representatives of Raskol, who took an irreconcilable stand against Nikon's reforms and openly criticized him for correcting the liturgical books. The Spaso-Kamenny Monastery was the third place of exile for him. He was transferred there from the Simonov Monastery, where he was subjected to a humiliating public corporal punishment. Neronov described his misadventures in a letter to Nikon, which could essentially be seen as an accusation of the Patriarch of all Russia.⁶¹ Neronov's transfer to the Spaso-Kamenny Monastery was explained by the remoteness of the island and the certainty that there he would be deprived of the opportunity to spread his ideas. This practice became widespread as a result of decisions of church councils, which legalized the fight against Raskol by forcibly isolating doctrinal

⁵⁷ S.M. Solov'ev, *History of Russia since ancient times* (Moscow: Eksmo, 2006), 223.

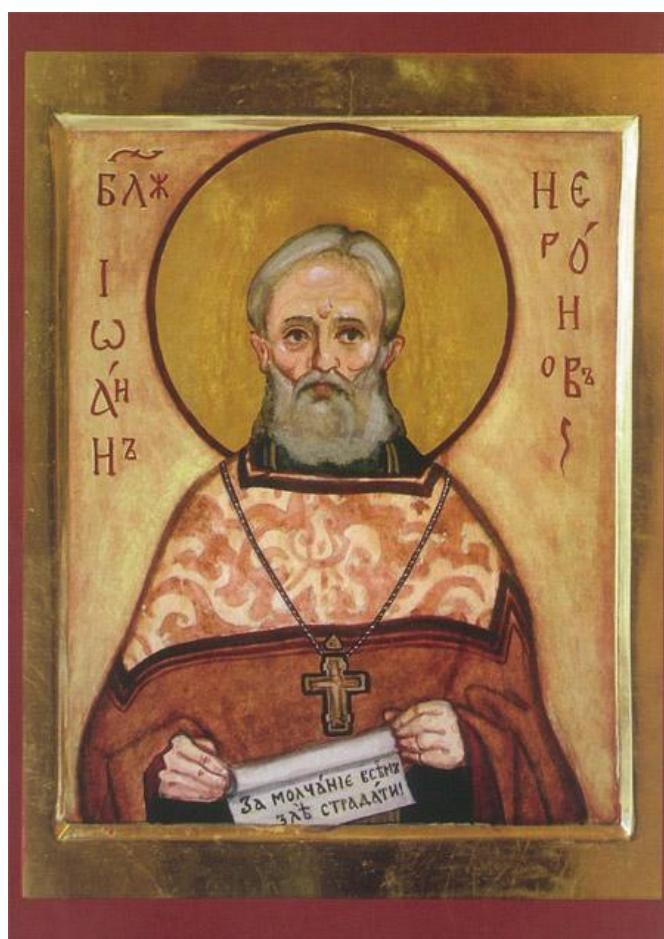
⁵⁸ Metropolitan Macarii (Bulgakov), *History of the Russian Church*, vol. 8, *History of the Western Russian, or Lithuanian Metropolitanate (1458–1596)*, accessed June 1, 2021, https://thelib.ru/books/makariy_mitropolit/istoriya_russkoy_cerkvi_tom_8-read-18.html

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Archimandrite Macarii (Veretennikov), *From the history of the Russian hierarchy of the 16th century* [in Russian], Azbyka very, accessed June 1, 2021, https://azbyka.ru/oteknik/Makarij_Veretennikov/russkaja-ierarhija-xvi-veka/#0_2

⁶¹ N. Subbotin, ed., "List of controversial discourses between Archpriest Ivan Neronov and Patriarch Nikon" [in Russian], in *Materials for the history of Raskol during the initial period of its existence, published by the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan*, vol. 1 (Moscow: Tipografiya E. Lissner and Yu. Roman, 1875), 50.

scholars and its active followers. Personal resentment of Patriarch Nikon, whom Neronov accused of disrespect for the faith and excessive cruelty towards his opponents, also played a certain role. Following the decision of the church council, he was assigned to a monastery for resignation. At first, he was sent to the Novospassky Monastery, then transferred to the Simonov Monastery and finally delivered to the Spaso-Kamenny Monastery. He was sent to Kamenny Island under guards, in shackles. According to Neronov's own confession, a large chain was put around his neck before he was sent to the island.⁶² The accompanying letter described his guilt as "a reat outrage." He was ordered to be kept in the monastery doing menial work and remaining under strict supervision.

Ivan Neronov, an exile of the Spaso-Kamenny Monastery.

Source: *Protopope Ivan Neronov. A collection of documents of the era.*
St Petersburg: Svoe izdatelstvo, 2012 (inlay in the book)

However, strict requirements concerning Neronov's confinement at the Spaso-Kamenny Monastery were not initially met. The brethren of the monastery treated

⁶² Subbotin, "List of controversial discourses between Archpriest Ivan Neronov and Patriarch Nikon," 50.

him with honor and respect. Archimandrite Alexander provided him with a good cell and sent a servant to help organize his life. He had the best food from the monastery table and was provided with paper and ink for his correspondence. Neronov's special position in the Spaso-Kamenny Monastery was due to his political influence as well as to the extremely controversial attitude of the conservative black clergy to the ongoing church reforms. There was hope that Neronov's disgrace would be short-lived, especially after his correspondence with the Tsar, which was conducted with the help of Stefan Vonifat'ev, confessor of Alexis of Russia. It is the only explanation why Neronov was given permission to use paper and conduct correspondence. To some extent, his special position was due to his diplomatic talents and willingness to compromise with the authorities. While in isolation, he continued to write not only to the Tsar and the Patriarch, but also to his associates, explaining to them his own understanding of the faith. Obviously, it is difficult to imagine something like that going on in conditions of strict isolation.⁶³

During the island exile, Neronov sent letters to the Tsar and his confessor several times, accusing Nikon of misconduct and threats to the Orthodox faith. The correspondence received a great resonance and caused the Russian Patriarch to react painfully to all accusations. Following his demand, the Council of the Church was convened in 1654. It reaffirmed the policy of correcting liturgical books and combating the opponents of church reforms. However, the decision of the council was not unanimous. Thus, Bishop Paul of Kolomna (Pavel Kolomenskii), who had expressed a dissenting opinion on the performance of the altar bows, was exiled. Neronov's intercession ended with a prohibition to write letters to the Tsar. However, Neronov continued to try to "get through." He wrote his petitions through the Tsarina and the Tsar's confessor, insisting that the opponents of the church reforms were innocent.

In his study of the history of Raskol, N. Subbotin published the letters Ivan Neronov wrote during his exile at the Spaso-Kamenny Monastery. The geography and scale of the correspondence is amazing, which undoubtedly speaks of his authority. He corresponded with his like-minded fellows (Avvakum and I. Danilov), with his opponents (Patriarch Nikon), and addressed the flock. His son Theophylact, who lived in Moscow and visited his father in exile, helped him in composing his letters to the Tsar. He informed his father of the transformations that were taking place in Moscow, and delivered his letters to Moscow.⁶⁴ Four letters were addressed to Stefan Vonifat'ev, the tsar's confessor, who, apparently, felt sympathy towards

⁶³ S.I. Smirnov, "Russian confessors and the schism of the Old Believers" [in Russian], *Bogoslovskii vestnik*, vol. 3, no. 11 (1913): 506–9.

⁶⁴ "Epistle of Archpriest Ivan Neronov to Tsar Alexei Mikhailovich from the Spaso-Kamenny Monastery of November 6, 1762 (1653)" [in Russian], *Materials for the history of Raskol during the initial period of its existence*, vol. 1, p. 1, 40.

Neronov and tried to help him as much as possible. Thanks to the efforts of his confessor, Alexis of Russian took a neutral position in this case of Neronov. He did not allow Patriarch Nikon to revenge himself on his rival even after the latter had fled from the Kandalaksha Monastery where he was imprisoned in 1654.

At the same time, the reliability of Neronov's written claims raises certain doubts. For example, he considered decisions to punish his supporters to be wrong, insisting that they were made by a civil court, which in reality was not the case. Judging by other letters, the complainant was well aware of that. In addition, he tried to put psychological pressure on the Tsar by drawing his attention to the fact that under his father, Michael of Russia, those who opposed the church reforms had been held in high esteem.⁶⁵ But such arguments served more as an irritant and could hardly change the Tsar's opinion on the matter. Alexis, who intended to preserve national peace, made some attempts to reconcile the warring parties, but did so in a very inert manner.

A rather active life of Ivan Neronov at the Spaso-Kamenny Monastery indicates that even while in exile, he did not lose his political influence and sought to use his connections to protect the old faith and to change the Tsar's attitude towards the ongoing reforms. Neronov's relative freedom was however short-lived. According to Znamenskii, instead of gaining some expected benefits for the monastery, the archimandrite of the Spaso-Kamenny Monastery Alexander received dissatisfaction from the Russian Patriarch for indulging Neronov in his relatively free life at the monastery. His requests to Neronov to appeal to the Tsar for the construction of a new church on the island were also not heard. Apparently, the disgraced exile did not write about them at all, being preoccupied with the greater tasks of preserving the traditional Orthodox faith. After Neronov was forbidden to write to the Tsar, the archimandrite lost interest in him. It became apparent that Neronov's influence at the Moscow court was actually less than it was originally imagined. The consequence of this conclusion was the petty conflicts between Neronov and the archimandrite. Being extremely demanding in every single detail, which is characteristic of the ardent supporters of faith, Neronov irritated the people around him. His complaints about discipline and his demand for strict observance of monastic regulations led to an open conflict with the archimandrite and the brethren of the Spaso-Kamenny Monastery. Gradually, his daily life began to change and resembled the life of an exile more. His servant was taken away from him, he was deprived of the right to go to the church, and his isolation was intensified. After the next denunciation about inappropriate behavior of brethren in Spaso-Kamenny Monastery, in compliance with

⁶⁵ “Epistle of Archpriest Ivan Neronov to Tsar Alexei Mikhailovich from the Spaso-Kamenny Monastery of November 6, 1762 (1653)” [in Russian], *Materials for the history of Raskol during the initial period of its existence*, vol. 1, p. 1, 35–36.

the decree of Patriarch Nikon Neronov was transferred to the Kandalaksha Monastery on July 1, 1654. Conditions of detention were much severer there. It is indicative that during his stop in Vologda at the local assembly house, Neronov managed to compose a letter to his supporters and the Tsar's confessor in which he still defended his views and accused the church reformers of heresy.

Conclusion

The Spaso-Kamenny Monastery belonged to the type of monasteries that were included in the state punitive policy at the early stage of the formation of Russian statehood, covering the early 16th – mid 17th centuries, because of their special position. It was the period when the monastery was developing very rapidly and the Russian state was getting stronger and stronger. The formation of the new trend, associated with the implementation of punitive tasks of the state and the church, was facilitated by the economic growth of the monastery and the patronage of the grand-princely power, which regarded the monastery as a support for the spread of statehood. The tandem they formed functioned successfully in punishing opponents of both the church and the state.

At the initial stage of execution of punitive tasks, the Spaso-Kamenny Monastery was actively used for punishment of noble clerics, who had a notable influence on the political life of the Grand Duchy of Moscow. The last significant figure to be banished to the monastery was a member of the Synod Georgii Dashkov, who was exiled to Kamenny Island in 1731. The border location of the island between the center and the periphery in combination with the insular isolation was an optimal place for punishment of high-ranking clergy. The living conditions were harsh, but not the hardest. The monastery was located far from the center, but remained available for inspection. The practice of exiling ordinary clergy for disciplinary violations and laymen for criminal and political offenses was developed a little bit later, between the end of the 17th and 18th centuries. During this period, prison quarters appeared on the island: separate wooden outbuildings on the shore and earthen pits.

The practice of exile of church hierarchs to the Spaso-Kamenny Monastery turned into a peculiar punitive tradition which did not have an appropriate legal registration but fit in with the general practice of punishment at that time. The insufficiency of historical sources does not allow us to form a complete picture of the stay of the exiles at this monastery. There is no doubt, however, that their high position in the church hierarchy accounted for the milder character of their detention conditions. Many of them had contacts with the outside world, received pilgrims and even carried on correspondence, which was generally atypical for this kind of punishment. As a rule, decisions to exile disgraced clerics were based on a variety of reasons, which cannot be precisely established today, which gave rise to broad

interpretations of limited sources: from personal revenge to high treason. Obviously, the Spaso-Kamenny Monastery was actively used in the fight with religious opposition, which represented a certain political threat to the grand-princely power. The struggle against it was carried out in the form of extrajudicial reprisals and reflected the process of strengthening of the state.

Список литературы

Адаменко О.Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2008. 23 с.

Адаменко О.Н. Организация островного пространства Спасо-Каменного монастыря в XVII в. // Booksite. URL: <https://www.booksite.ru/civk/data/adamenko.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).

Адаменко О.Н. Пространственное расположение хозяйственных комплексов монастырей Вологодского и Белозерского уездов в XVII веке // Некрасовские чтения. Материалы IV Всероссийской научной конференции памяти доктора исторических наук, профессора Ю.К. Некрасова (1935–2006) / под редакцией В.А. Саблина. Вологда: ВоГУ, 2020. С. 26–32.

Алексеев А.И. Зосима // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/200033.html> (дата обращения: 01.04.2021).

Архимандрит Макарий (Веретенников) Из истории русской иерархии XVI века // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Veretennikov/russkaja-iерархija-xvi-veka/#0_2 (дата обращения: 01.06.2021).

Балдин В.И. Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв. Москва: Наука, 1996. 549 с.

Бриллиантов И.И. Патриарх Никон в заточении на Белеозере: Исторический очерк. Санкт-Петербург: Типография А.П. Лопухина, 1899. 123 с.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1: 1762–1825. Москва: Госюриздан, 1960. 384 с.

Голубинский Е.Е. Митрополит Варлаам // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-russkoj-tserkvi-tom-2-chast-1/3_6 (дата обращения: 01.04.2021).

Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. Москва: Наука, 1964. 71 с.

Грешного инока Исофа Сказание о новоявившейся ереси новгородской еретиков и отступников // Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российской касающихся, изданная Н. Новиковым. Изд. 2. Ч. XIV. Москва: Компания Типографическая, 1790. С. 128–145.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Издательство М.О. Вольфа, 1881. 814 с.

Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. Москва: Мысль, 1991. 286 с.

Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. 1950. № 5. С. 3–39.

Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань: Университетская типография, 1880. 295 с.

Знаменский П.В. История Русской церкви // Pravmir. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3823#part_59689 (дата обращения: 01.04.2021).

Казарян П.Л. Якутская политическая ссылка в системе карательной политики царизма: дис. ... д-ра ист. наук. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1998. 431 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского: в 2 кн. Кн. 1. Т. VI. Санкт-Петербург: Золотой век, 2003. 832 с.

Карташев А.В. История Русской церкви: в 2 т. Т. 2. Москва: Эксмо-Пресс, 2000. 816 с.

Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 2 / под редакцией В.Л. Янина. Москва: Мысль, 1988. 447 с.

Колчин М.А. Ссыльные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. Исторический очерк // Русская старина. 1888. № 1. С. 37–63.

Коноплев Н. Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере и его подвижники // Вологодские епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 15–23.

Круглов А. Поездка на Кубенское озеро // Исторический вестник. 1898. Т. 74, № 12. С. 1047–1075.

Кузьмин С.И. К вопросу о карательной политике Российского государства после революции 1917 года // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: Сборник материалов V международной научно-практической конференции, 4–6 апреля 2018 г. / составитель В.А. Овченков. Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2018. С. 14–18.

Макарий, Митрополит (Булгаков) История русской церкви. Том VIII. История Западнорусской, или Литовской, Митрополии (1458–1596) // TheLib.Ru. URL: https://thelib.ru/books/makariy_mitropolit_istoriya_russkoy_cerkvi_tom_8-read-18.html (дата обращения: 01.06.2021).

Мануил, Митрополит (Лемешевский) Русские православные иерархи: 992–1892: в 3 т. Т. 1. Москва: Изд. Сретенского монастыря, 2002. 543 с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования / под редакцией Н.И. Субботина. Москва: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875. 491 с.

Морозова Л.Е. К вопросу об обстоятельствах женитьбы Василия III на Соломонии Сабуровой // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 2. С. 156–167.

Муромцев И. Поездка на Каменный остров в Вологодской губернии: из дневника 1847 года // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 3. С. 25–30.

Назаров В.Д. Династическая война московских Рюриковичей и становление единого Российского государства // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/movies/3147/dinasticheskaya-voina-moskovskikh-ryurikovichei-i-stanovlenie-edinogo-rossiiskogo-gosudarstva> (дата обращения: 01.06.2021).

Новикова О.Л. Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI века и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Очерки феодальной России / под редакцией С.Н. Кистерева. Вып. 12. Москва: Альянс-Архео, 2008. С. 38–90.

Описание Вологодского Духова монастыря, составленное в 1860 году П. Савваитовым, исправленное и дополненное в 1885 г. Н. Суворовым, в 1912 г. И. Суворовым / составитель П.И. Савваитов. Вологда: Типография П.А. Цветкова, 1912. 94 с.

Остроумов И. Святыни нашего Севера (путешествие по Соловкам, Валааму и другим обителям Северной Руси): очерки и рассказы. Санкт-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1897. 185 с.

Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород: Издание товарищества И.М. Машистова, 1907. 782 с.

Павлушков А.Р. Государственно-церковные отношения в оценках личности Э.И. Бирона // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики ФСИН России / под общей редакцией А.А. Середина. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. С. 143–148.

Павлушков А.Р. Русские православные монастыри в системе наказания России в начале XX века // Вузовская наука – региону: материалы IX Всероссийской научно-технической конференции: в 2 т. Т. 2 / под редакцией А.А. Плеханова. Вологда: ВоГТУ, 2011. С. 219–221.

Павлушков А.Р. Судьба вице-президента Синода Г. Дашкова // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 162–168.

Памятники письменности в музеях Вологодской обл.: Каталог-путеводитель «Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея» / под общей редакцией профессора П.А. Колесникова. Вологда: Северное отделение археографической комиссии АН СССР, 1987. Ч. 1. Вып. 2. 295 с.

Пругавин А.С. Еще о соловецких узниках. К вопросу о монастырских заточениях // Раскол внизу и раскол вверху. Санкт-Петербург: Издательство А.С. Суворина, 1882. С. 273–296.

Пругавин А.С. Соловецкие узники // Русская мысль. 1881. № 11. С. 238–253.

Рогов В.А. Уголовное право и карательная политика в Русском государстве XV–XVII вв. Москва: Всесоюзный юридический заочный институт, 1990. 68 с.

Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. Санкт-Петербург: Издание книжного магазина А.Ф. Цинзерлинга, 1887. 300 с.

Смирнов С.И. Русские духовники и раскол старообрядчества // Богословский вестник. 1913. Т. 3. № 11. С. 506–532.

Соколов Ю. Последний высокий гость Каменного острова // Северная новь. 24.05.1994.

Соколов Ю. Сказание старины глубокой // Северная Новь. 09.11.1989.

Соловьев К.А., Никонова Е.В. Спас-Каменный монастырь на Кубенском озере – уникальная обитель Северной Фиваиды и ее исторические предания // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4. С. 312–318.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Москва: Эксмо, 2006. 1024 с.

Суворов Н.И. Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархии. Вологда: Типография Губернского правления, 1868. 411 с.

Суворов Н.И. Описание Спасо-Каменного, что на Кубенском озере, монастыря. Изд. 2. Вологда: Типография Губернского правления, 1893. 90 с.

Тарновский О.А. Церковная уголовная юрисдикция как альтернатива государственной карательной политике древнерусского государства // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 3 (45). С. 90–94.

Флоря Б.Н. Варсонофий // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/154341.html> (дата обращения: 01.04.2021).

Фуко П.М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / перевод с французского В. Наумова. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда: Древности Севера, 2012. 576 с.

Черты монастырского быта в XVII веке // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1873. № 9. С. 1770–1784.

Шеслер А.В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1. С. 84–96.

Шустерман С.С. О судьбе рабочего-революционера Я.С. Потапова // Вопросы истории. 1960. № 11 (ноябрь). С. 213–215.

References

Adamenko, O.N. *Organizatsiya ostrovnogo prostranstva Spaso-Kamennogo monastyrya v 17 v.* [Organization of the island space of the Spaso-Kamenny Monastery in the 17th century]. Booksite, accessed July 1, 2021. <https://www.booksite.ru/civk/data/adamenko.pdf> (In Russian)

Adamenko, O.N. “Prostranstvennoe raspolozhenie khozyaistvennykh kompleksov monastyrei Vologodskogo i Belozerskogo uezdov v 17 veke” [Spatial arrangement of the economic complexes of the monasteries of the Vologda and Belozersk uyezds in the 17th century]. *Nekrasovskie chteniya. Materialy IV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii pamyati d.i.n., prof. Yu.K. Nekrasova (1935–2006)* [Nekrasov readings. Proceedings of the 4th All-Russian scientific conference in memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Yu.K. Nekrasov (1935–2006)], edited by V.A. Sablin, 26–32. Vologda: VoGU, 2020. (In Russian)

Adamenko, O.N. *Zemlevladenie i khozyaistvo Spaso-Kamennogo monastyrya v 15–17 vekakh* [Land tenure and economy of the Spaso-Kamenny Monastery in the 15th – 17th centuries]. PhD thesis. Lomonosov Pomor State University, 2008. (In Russian)

Alekseev, A.I. “Zosima” [Zosimus]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Accessed April 1, 2021. <https://www.pravenc.ru/text/200033.html> (In Russian)

Archimandrite Macarii (Veretennikov). *Iz istorii russkoi ierarkhii 16 veka* [From the history of the Russian hierarchy of the 16th century]. Azbyka very, accessed June 1, 2021. https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Veretennikov/russkaja-ierarhija-xvi-veka/#0_2 (In Russian)

Baldin, V.I. *Troitse-Sergieva lavra: Arkhitekturnyi ansambl' i khudozhestvennye kollektisy drevnerusskogo iskusstva XIV–XVII vv.* [The Trinity Lavra of St. Sergius: architectural ensemble and art collection of ancient Russian art of the 14th – 17th centuries]. Moscow: Nauka, 1996. (In Russian)

Brilliantov, I.I. *Patriarkh Nikon v zatochenii na Beleozere: Istoricheskii ocherk* [Patriarch Nikon imprisoned at Beleozero: a historical essay]. St Petersburg: Tipografiya A.P. Lopukhina, 1899. (In Russian)

Cherkasova, M.S. *Arkhivy vologodskikh monastyrei i tserkvei XV–XVII vv.: issledovanie i opyt rekonstruktsii* [Archives of Vologda monasteries and churches of the 15th–17th centuries: research and reconstruction experience]. Vologda: Drevnosti Severa, 2012. (In Russian)

“Cherty monastyrskogo byta v XVII veke” [The features of monastic daily life in the 17th century]. *Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik* [Russian archive. Historical and literary collection], no. 9 (1873): 1770–84. (In Russian)

“Greshnogo inoka Isofa Skazanie o novoyavivsheisya eresi novgorodskoi eretikov i otstupnikov” [The legend by the sinful monk Isof of the newly-appeared Novgorod heresy of heretics and apostates]. *Drevnyaya Rossiiskaya Vivlioifika, soderzhashchaya v sebe sobranie drevnostei Rossiiskikh, do istorii, geografii i genealogii Rossiiskoi kasayushchikhsya, izdannaya*

N. Novikovym [Ancient Russian Bibliotheca, containing a collection of Russian antiquities, referring to the Russian history, geography and genealogy, published by N. Novikov]. 2nd ed. Pt. 14. Moscow: Kompaniya Tipograficheskaya, 1790. (In Russian)

Dal', V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. 4 vols. Vol. 2. St Petersburg: Izdatel'stvo M.O. Vol'fa, 1881. (In Russian)

Florya, B.N. "Varsonofii" [Barsanuphius]. Pravoslavnaya entsiklopediya, accessed April 1, 2021. <https://www.pravenc.ru/text/154341.html> (In Russian)

Foucault, M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and punish: the birth of the prison]. Translated by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem, 1999. (In Russian)

Gernet, M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my* [The history of the tsarist prison]. 5 vols. Vol. 5, 1762–1825. Moscow: Gosyurizdat, 1960. (In Russian)

Golubinskii, E.E. "Mitropolit Varlaam" [Metropolitan Varlaam]. Azbyka very, accessed April 1, 2021. https://azbyka.ru/otekhnika/Evgenij_Golubinskij/istorija-russkoj-tserkvi-tom-2-chast-1/3_6 (In Russian)

Grekulov, E.F. *Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii* [Orthodox inquisition in Russia]. Moscow: Nauka, 1964. (In Russian)

Karamzin, N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 2 knigah. Kn. 1. T. 6* [History of the Russian State]. 2 bks. Bk. 1, vol. 6. St Petersburg: Zolotoi vek, 2003. (In Russian)

Kartashev, A.V. *Istoriya Russkoi tserkvi* [The history of the Russian Church]. 2 vols. Vol. 2. Moscow: Eksmo-Press, 2000. (In Russian)

Kazaryan, P.L. *Yakutskaya politicheskaya ssylka v sisteme karatel'noi politiki tsarizma* [Yakut political exile in the system of punitive policy of tsarism]. Doct. diss. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, 1998. (In Russian)

Klyuchevskii, V.O. *Sochineniya* [Writings]. 9 vols. Edited by V.L. Yanin. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1988. (In Russian)

Kolchin, M.A. "Ssyly i zatochennye v ostroge Solovetskogo monastyrya v XVI–XIX vv. Istoricheskii ocherk" [The exiles and prisoners in the fortress of the Solovetsky Monastery in the 16th–19th centuries. A historical essay]. *Russkaya starina*, no. 1 (1888): 37–63. (In Russian)

Kolesnikov, P.A., ed. *Pamyatniki pis'mennosti v muzeyakh Vologodskoi obl.: Katalog-putevoditel' "Rukopisnye knigi XIV–XVIII vv. Vologodskogo oblastnogo muzeya"* [Written records in the museums of Vologda Oblast: catalogue and guide 'Manuscript books of the 14th–18th centuries' of the Vologda Oblast Museum]. Pt. 1, is. 2. Vologda: Severnoe otdelenie arkheograficheskoi komissii AN SSSR, 1987. (In Russian)

Konoplev, N. "Spaso-Kamennyi monastyr' na Kubenskom ozere i ego podvizhniki" [The Spaso-Kamenny Monastery on Lake Kubenskoe and its ascetics]. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti*, no. 1 (1912): 15–23. (In Russian)

Kruglov, A. "Poezdka na Kubenskoe ozero" [A trip to Lake Kubenskoe], *Istoricheskii vestnik*, vol. 74, no. 12 (1898): 1047–75. (In Russian)

Kuz'min, S.I. "K voprosu o karatel'noi politike Rossiiskogo gosudarstva posle revolyutsii 1917 goda" [On the issue of punitive policy of the Russian state after the revolution of 1917]. In *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: Sbornik materialov V mezhunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 4–6 aprelya 2018 g.* [Penitentiary system and society: the experience of interaction: collected materials of the 5th international scientific and practical conference, April 4–6, 2018], compiled by V.A. Ovchenkov, 14–18. Perm: Permskii institut FSIN Rossii, 2018. (In Russian)

Metropolitan Macarii (Bulgakov). *Istoriya russkoi tserkvi* [History of the Russian Church]. Vol. 8, *Istoriya Zapadnorusskoi, ili Litovskoi, Mitropolii (1458–1596)* [History of the Western Russian, or Lithuanian Metropolitanate (1458–1596)]. TheLib.Ru, accessed June 1, 2021. https://thelib.ru/books/makariy_mitropolit/istoriya_russkoy_cerkvi_tom_8-read-18.html (In Russian)

Metropolitan Manuil (Lemeshevskii), *Russkie pravoslavnye ierarkhi: 992–1892* [Russian Orthodox hierarchs: 992–1892]. 3 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 2002. (In Russian)

Morozova, L.E. “K voprosu ob obstoyatel'stvakh zhenit'by Vasiliya III na Solomonii Saburovoi” [On the question of the circumstances of Vasiliy III's marriage to Solomonia Saburova]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 2 (2014): 156–67. (In Russian)

Muromtsev, I. “Poezdka na Kamennyi ostrov v Vologodskoi gubernii: iz dnevnika 1847 goda” [A trip to Kamenny Island in Vologda Governorate: from a diary, 1847]. *Vologoskie gubernskie velomosti*, no. 3 (1848): 25–30. (In Russian)

Nazarov, V. “Dinasticheskaya voyna moskovskikh Ryurikovichei i stanovlenie edinogo Rossiiskogo gosudarstva” [The dynastic war of the Moscow Rurik dynasty and the formation of the unified Russian state]. Kul'tura.RF, accessed June 1, 2021. <https://www.culture.ru/movies/3147/dinasticheskaya-voina-moskovskikh-ryurikovichei-i-stanovlenie-edinogo-rossiiskogo-gosudarstva> (In Russian)

Novikova, O.L. “Letopisnye zametki v Kirillo-Belozerskoi rukopisi 60-kh gg. XVI veka i Skazanie o Spaso-Kamennom monastyre” [Chronicle notes in the Kirillo-Belozersk manuscript of the 1560s and the Legend of the Spaso-Kamenny Monastery]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on feudal Russia], is. 12, edited by S.N. Kisterev, 38–90. Moscow: Al'yans-Arkheo, 2008. (In Russian)

Ostromov, I. *Svyatyni nashego Severa (puteshestvie po Solovkam, Valaamu i drugim obitelyam Severnoi Rusi): ocherki i rasskazy* [Shrines of our North (A journey to Solovki, Valaam and other monasteries of Northern Russia): essays and stories]. St Petersburg: Tipografiya P.P. Soikina, 1897. (In Russian)

Pavlovskii, A.A. *Vseobshchii illyustrirovannyi putevoditel' po monastyryam i svyatym mestam Rossiiskoi imperii i Afonu* [General illustrated guide to the monasteries and holy places of the Russian Empire and Athos]. Nizhny Novgorod: Izdanie tovarishchestva I.M. Mashistova, 1907. (In Russian)

Pavlushkov, A.R. “Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v otsenkah lichnosti E.I. Birona” [State-church relations in the assessments of E.I. Biron's personality]. In *Sbornik nauchnykh trudov sotrudnikov Vologodskogo instituta prava i ekonomiki FSIN Rossii* [Collected scientific works of the employees of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia], edited by A.A. Seredin, 143–48. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2019. (In Russian)

Pavlushkov, A.R. “Russkie pravoslavnye monastyri v sisteme nakazaniya Rossii v nachale XX veka” [Russian Orthodox monasteries in the system of punishment in Russia at the beginning of the 20th century]. *Vuzovskaya nauka – regionu: materialy IX vserossiiskoi nauchno-tehnicheskoi konferentsii, 25 fevralya 2011 g* [University science – to the region: proceedings of the 9th All-Russian scientific and technical conference, February 25, 2011], vol. 2, edited by A.A. Plekhanov, 219–21. Vologda: VGTU, 2011. (In Russian)

Pavlushkov, A.R. “Sud'ba vitse-prezidenta Sinoda G. Dashkova” [The fate of the vice-president of the Synod G. Dashkov]. *Voprosy istorii*, no. 7 (2015): 162–68. (In Russian)

Prugavin, A.S. “Eshche o solovetskikh uznikakh. K voprosu o monastyrskikh zatocheniyakh” [More on the prisoners of Solovki (On the issue of monastic confinements)]. In *Raskol vnizu i raskol vverkhу* [Raskol below and Raskol above], 273–96. St Petersburg: Izdatel'stvo A.S. Suvorina, 1882. (In Russian)

Prugavin, A.S. *Solovetskie uzniki* [Prisoners of Solovki], *Russkaya mysl'*, no. 11 (1881): 238–53. (In Russian)

Rogov, V.A. *Ugolovnoe pravo i karatel'naya politika v Russkom gosudarstve 15–18 vv.* [Criminal law and punitive policy in the Russian state of the 15th – 17th centuries: a textbook]. Moscow: Vsesoyuznyi yuridicheskii zaochnyi institut, 1990. (In Russian)

Savvaitov, P., comp. Opisanie Vologodskogo Dukhova monastyrya, sostavленное в 1860 году P. Savvaitovym, исправленное и дополненное в 1885 г. N. Suvorovym, в 1912 г. I. Suvorovym [The description of the Holy Spirit Monastery in Vologda, compiled in 1860 by P. Savvaitov, revised and supplemented in 1885 by N. Suvorov, in 1912 by I. Suvorov]. Vologda: Tipografiya P.A. Tsvetkova, 1912. (In Russian)

Sergeevskii, N.D. *Nakazanie v russkom prave XVII veka* [Punishment in Russian law in the 17th century]. St Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina A.F. Tsinzerlinga, 1887. (In Russian)

Shesler, A.V. “Pochemu ugolovnoe nakazanie dolzhno byt' karoi” [Why criminal punishment should be retribution]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, no. 1 (2019): 84–96. (In Russian)

Shusterman, S.S. “O sud'be rabochego-revolyutsionera Ya.S. Potapova” [About the fate of revolutionary worker Ya.S. Potapov]. *Voprosy istorii*, no. 11 (November) (1960): 213–15. (In Russian)

Smirnov, S.I. “Russkie dukhovniki i raskol staroobryadchestva” [Russian confessors and the schism of the Old Believers]. *Bogoslovskii vestnik*, vol. 3, no. 11 (1913): 506–32. (In Russian)

Sokolov, Yu. “Poslednii vysokii gost' Kamennogo ostrova” [The last high guest of Kamenny Island]. *Severnaya Nov'*, May 24, 1994. (In Russian)

Sokolov, Yu. “Skazanie stariny glubokoi” [The legend of ancient times]. *Severnaya Nov'*, November 9, 1989. (In Russian)

Solov'ev, K.A., and E.V. Nikonova, “Spas-Kamennyi monastyr' na Kubenskom ozere – unikal'naya obitel' Severnoi Fivaidy i ee istoricheskie predaniya” [The Spaso-Kamenny Monastery on Lake Kubenskoe – a unique abode of the Northern Thebais and its historical legends]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, vol. 7, no. 4 (2018): 312–18. (In Russian)

Solov'ev, S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since ancient times]. Moscow: Eksmo, 2006. (In Russian)

Subbotin, N.I., ed. *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya* [Materials for the history of Raskol during the initial period of its existence]. 9 vols, vol. 1, *Dokumenty, soderzhashchie izvestiya o litsakh i sobytiyah iz istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya* [Documents containing information about persons and events from the history of Raskol during the initial period of its existence]. Moscow: Tipografiya E. Lissner i Yu. Roman, 1875. (In Russian)

Suvorov, N.I. *Istoricheskie svedeniya ob ierarkhakh Drevne-Permskoi i Vologodskoi eparkhii* [Historical information about the hierarchs of the Old Perm and Vologda dioceses]. Vologda: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1868. (In Russian)

Suvorov, N.I. *Opisanie Spaso-Kamennogo, chto na Kubenskom ozere, monastyrya* [Description of the Spaso-Kamenny Monastery on Lake Kubenskoe]. 2nd ed. Vologda: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1893. (In Russian)

Tarnovskii, O.A. “Tserkovnaya ugolovnaya yurisdiktsiya kak al'ternativa gosudarstvennoi karatel'noi politike drevnerusskogo gosudarstva” [Church criminal jurisdiction as an alternative to the state punitive policy of the Old Russian state]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 3 (45) (2020), 90–94. (In Russian)

Zimin, A.A. “Kratkie letopistsy 15–16 vv.” [Brief chronicles of the 15th – 16th centuries]. *Istoricheskii arkhiv*, no. 5 (1950): 3–39. (In Russian)

Zimin, A.A. *Vityaz' na rasput'e: feodal'naya voyna v Rossii XV v.* [A knight at the crossroads: The feudal war in fifteenth-century Russia]. Moscow: Mysl', 1991. (In Russian)

Znamenskii, P.V. *Istoriya Russkoi tsetkvi* [The history of the Russian Church]. Pravmir, accessed April 1, 2021. https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3823#part_59689 (In Russian)

Znamenskii, P.V. *Rukovodstvo k russkoi tserkovnoi istorii* [Guide to the Russian church history]. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1880. (In Russian)

Информация об авторах

Александр Рудольфович Павлушкин – кандидат исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-8838-5459>, apavlushkov@yandex.ru, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (160026 Россия, Вологда, ул. Щетинина, д. 2)

Information about the author

Aleksandr R. Pavlushkov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-8838-5459>, apavlushkov@yandex.ru, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (d. 2, ul. Shchetinina, Vologda, Russia 160026)

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 29.09.2021; принята к публикации 02.10.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 29.09.2021; accepted for publication 02.10.2021.